Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 1 (21).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 1 (21), 2023.

Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2=411.2)
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-1-96-140
https://elibrary.ru/VRYNXI

© 2023. Людмила Сараскина
Государственный институт искусствознания, Москва, Россия

«Надо сказать правду»: Ф.М. Достоевский и его современники в споре об итогах Крымской кампании

© 2023. Liudmila I. Saraskina
State Institute for Art Studies, Moscow, Russia

"One Must Tell the Truth:" Fyodor Dostoevsky and His Contemporaries in the Debate about the Results of the Crimean Campaign

Информация об авторе: Людмила Ивановна Сараскина, доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора художественных проблем массмедиа, Государственный институт искусствознания, Козицкий пер., д. 5, 125009 г. Москва, Россия.
https://orcid.org/0000-0003-4844-4930
E-mail: l.saraskina@gmail.com

Аннотация: В статье речь идет об отношении Ф.М. Достоевского к Крымской военной кампании (1853–1856), о его понимании глубинного смысла вооруженного конфликта России с союзнической коалицией в составе Британской, Французской, Османской империй и Сардинского королевства. Утверждается, что Достоевский — дитя Крымской кампании, хотя в ней лично не участвовал, ибо во все время ее течения пребывал на каторге и в ссылке. Но именно Крымская кампания подтолкнула Достоевского к размышлениям о положении России в мире с точки зрения ее геополитических интересов. «Запомнили» Крымскую войну и многие романные персонажи писателя.

В центре внимания — судьба трех стихотворений Достоевского, созданных в Семипалатинской ссылке, в которых автор расставляет акценты в точном соответствии со своими оценками события, определившего основы его мировосприятия. Оспаривается утверждение о приоритете служебных целей этих сочинений, якобы продиктованных бедственным положением автора и его отчаянным стремлением во что бы то ни стало вернуться в литературу.

Особо подчеркивается признание Достоевского о том, что в момент военного противостояния он, еще в бытность свою на каторге, желал русскому оружию победы, а не поражения. Подробно анализируются высказывания о Крымской войне единомышленников писателя (Тютчева, Майкова, Данилевского) в сопоставлении с позицией интеллектуалов и политиков Европы.

Достоевский опровергает тезис об унизительном поражении России в Крымской войне, прочно внедренный в общественное сознание и надолго ставший едва ли не общепризнанной истиной.

Ключевые слова: Достоевский, Крымская кампания, Европа, союзническая коалиция, Тютчев, Майков, семипалатинская ссылка, три стихотворения 1854–1856 годов, патриотическая позиция, победа или поражение.

Для цитирования: *Сараскина Л.И.* «Надо сказать правду»: Ф.М. Достоевский и его современники в споре об итогах Крымской кампании // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. №1 (21). С. 96–140. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-1-96-140

Information about the author: Liudmila I. Saraskina, DSc in Philology, Leading Researcher, State Institute for Art Studies, Kozitskii Lane 5, 125009 Moscow, Russia.

https://orcid.org/0000-0003-4844-4930

E-mail: l.saraskina@gmail.com

Abstract: The paper discusses F.M. Dostoevsky's attitude towards the Crimean military campaign (1853–1856) and his understanding of the deep meaning of the armed conflict between Russia and the alliance which included the British, French, and Ottoman Empires, as well as the Kingdom of Sardinia. It is argued that F.M. Dostoevsky may be called a “child of the Crimean campaign,” even though he did not participate in it personally, as he remained, all through those months, first a convict and then an exile. However, it was the Crimean campaign that stimulated him to ponder about Russia's position in the world and about Russia's geopolitical interests. The Crimean campaign was also well “remembered” by many characters in F.M. Dostoevsky's novels.

The central theme of the paper is the destiny of the three poems that Dostoevsky wrote during his exile in the town of Semipalatinsk. In those poems, the author pointedly presented his evaluation of the events which formed and defined the basis of his worldview. It is sometimes claimed that the main purpose of writing those poems was just pragmatic, allegedly caused by the plight of the author and his desperate desire to come back to literature at any cost. In this paper, this claim is refuted. Especially emphasized is F.M. Dostoevsky's later avowal that at the very time of the military confrontation he, even though a convict, wished Russia's victory and not Russia's defeat.

Next, the paper analyses the utterances about the Crimean war by some like-minded contemporaries of F.M. Dostoevsky (the poets F.M. Tyutchev and A.N. Maykov, the historian N.Ya. Danilevsky) as compared with positions of intellectuals and politicians in Europe.

F.M. Dostoevsky rejects the assertion that Russia suffered a humiliating defeat in the Crimean war, an assertion that was firmly rooted in the public consciousness and, for many years, taken almost as a universally recognized truth.

Keywords: Dostoevsky, Crimean campaign, Europe, allied coalition, Tyutchev, Maykov, Semipalatinsk exile, three poems of 1854–1856, patriotic position, victory or defeat.

For citation: Saraskina, L.I. "'One Must Tell the Truth:' Fyodor Dostoevsky and His Contemporaries in the Debate about the Results of the Crimean Campaign." *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 1 (21), 2023, pp. 96–140. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-1-96-140

«Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна» [Пушкин, 1962, с. 408]

Европейская война середины XIX столетия между Российской империей и союзнической коалицией в составе Британской, Французской, Османской империй и Сардинского королевства давно, едва ли не сразу, как только она началась, стала полем, на котором росли и множились пропагандистские клише, политические шаблоны, исторические перверсии, художественные аберрации. Фраза, которую приписывают многим авторам, начиная с Эсхила, про то, что первой жертвой войны становится правда, характеризует Крымскую военную кампанию (еще ее называют Крымской, или Восточной войной) в самой большой степени. Историю этой войны писали, как правило, те, кто считал себя победителем, а также те, кто хотел поражения России, и несомненно те, кому это поражение было политически выгодным.

«О Крымской войне, — справедливо утверждал отечественный историк спустя столетие с лишним после этой войны, — написаны сотни книг и тысячи статей. Ей посвящены многочисленные мемуары и публикации документов. <...> Многие из этих работ представляют интерес благодаря собранным в них материалам, но во всех случаях проявляется определенная тенденциозность» [Бестужев, 1964, с. 144]. Одни авторы обсуждали ход войны с позиции военного искусства, других интересовала борьба за обладание «святыми местами», третьи анализировали экономические проблемы, возникшие в ходе войны у обеих сторон конфликта, четвертые пытались

вникнуть в политическую подоплеку противостояния. И всех вместе законно волновала трактовка итогов войны, однозначная только на первый взгляд.

Наше время вновь переживает драматические события, связанные с социальным, национальным, политическим переустройством как в России, так и в мире. Карта европейского континента, как и карты мира, перекраиваются, рушатся империи, «братские» страны ускоренными темпами ищут новых «братьев», территориальные претензии одних стран к другим имеют резкий привкус реванша. Новая фаза Восточного вопроса четверть века назад на глазах всего мира решалась с помощью коврового бомбометания. В контексте современной политической, общественной и культурной жизни история Восточного вопроса приобретает новый злободневный интерес. Поразительно, как аукается прошлое, как — во многих знаковых чертах — повторяется история 170-летней давности, как настойчиво эта самая история опять требует к себе самого пристального внимания.

I

Позволим себе краткий исторический экскурс.

Восточным вопросом в исторической литературе принято называть комплекс межгосударственных противоречий конца XVIII — начала XX веков, связанных с борьбой балканских народов за освобождение от османского ига, вызванной распадом Османской империи и претензиями европейских держав на обладание турецкими владениями. При всем многообразии определений, первоначально Восточный вопрос был сформулирован как вопрос о положении Турции в Европе и ее отношении к европейским странам.

Вспомним время правления Екатерины Великой, Русско-турецкой войны и первого раздела Польши. Вспомним также об одном устойчивом факторе в Восточном вопросе: Франция, как правило, находится на стороне турок, а самым эффективным защитником турецких интересов всегда бывает французский посланник в Константинополе. Россия испытывает большие дипломатические сложности даже в период своих наибольших побед, каковой стала победа Екатерины II в Русско-турецкой войне, когда в результате Кучук-Кайнарджийского мира 1774 года Россия получила право свободного плавания по Черному морю и через проливы Босфор и Дарданеллы.

Процитирую фрагмент письма Вольтера Екатерине II от 13 июля 1770 года, в разгар Русско-турецкой войны: «Если Ваше Величество не может взять Константинополя в нынешнем году, что мне весьма досадно, то заберите хотя бы всю Грецию, и пусть у Вас окажется прямое сообщение от Коринфа до Москвы. Это будет весьма красиво выглядеть на географических картах и немного утешит меня в том, что я не могу припасть к Вашим стопам на черноморском канале» [Письма к Вольтеру, 1970, с. 200–201].

Восемь лет спустя, в январе 1778 года, Вольтер пишет императрице Екатерине II о том же: «Эти подлые турки, которые доставляют столько дрязг Вашим судам на Черном море и убивают молдавских господарей, весьма нуждаются в том, чтобы оказаться под властью Ваших законов и изучать Ваше Уложение» [Письма к Вольтеру, 1970, с. 210]. Именно в это время у императрицы созревает план создания Греческой империи с центром в Константинополе, императором которой должен был стать ее второй внук, которому заранее дали греческое имя Константин, до тех пор не встречавшееся в романовских святцах.

Дерзновенный план, однако, не был осуществлен в ходе второй Русско-турецкой компании (1792), так что Восточный вопрос получил статус *отложенного вопроса;* к тому же на его решение имела чрезвычайное влияние французская революция. Начало XIX века, отмеченное наполеоновскими завоеваниями, вывело Восточный вопрос на новый уровень: для Наполеона Восток становится важнейшей фигурой в его политической игре. Присоединение России к антинаполеоновской оппозиции в 1805–1807 годах вызывает новую турецкую войну, а Тильзитский мир (1807) теперь уже у Александра I рождает мечты о Греческой империи на месте турецкой; и тут уже прусский министр Карл Август фон Гарденберг, спасая свою разгромленную французами родину, выступает с проектом раздела Турции, не менее грандиозным, чем екатерининский.

Балканский полуостров должен был, согласно новым планам, разделиться на три зоны: западная отходила бы к Франции, центральная — к Австрии и восточная, с Константинополем, — к России; за это Россия отказывается от Польши и Литвы, куда садится Саксонский король, Саксония же становится возмещением Пруссии за ее потери на Рейне и Висле.

Наполеон, однако, отнесся к таким планам более чем холодно, хотя охотно вел с Александром I разговоры о судьбах Востока. Для

России результаты этих разговоров были ничтожны, а Александр I умер во время подготовки к новой войне с Турцией. Его преемник, Николай I, тоже увлекся было надеждой осуществить заветную мечту Екатерины II, — изгнать турок из Европы, и сумел в первые годы царствования дойти до Адрианополя. Переход двадцатитысячной русской армии через Балканы (1829) впервые ввел в область реального то, что было мечтой Екатерины II и Александра I.

Теперь вступление русских войск в Константинополь было в полной мере в пределах военно-географической возможности — никаких преград между армией генерала И.И. Дибича (который получил за эту кампанию титул Забалканского и чин генерал-фельдмаршала) и столицей турецкого султана более не было. И Николай Павлович действительно готовил захват Дарданелл. В предвидении этой возможности английская и французская дипломатия посоветовала султану скорее сдаться.

Проекты 1829 года дали Николаю I руководящую линию всей восточной политики его царствования: *что отложено, то не потеряно*. В 1833 году, когда египетская армия завоевала Малую Азию, русский черноморский флот явился защищать Константинополь, к великому ужасу турецкого правительства; и черноморцы не ушли прежде, чем вынудили султана подписать конвенцию, превращавшую его в «сторожа при проливах» на службе России.

Россия получала колоссальный перевес, и стерпеть этого европейские державы не могли. Конвенция то и дело нарушалась; но после революции 1848 года Николай I решил, что наступил момент реализации его великого плана, и посвятил в эти планы — через английского посла в Петербурге — лондонский кабинет: за уступку русским Константинополя и проливов Англия должна была получить остров Крит и Египет. В ответ Англия объявила, что противится такому предприятию всеми силами, а французский император даже прежде англичан двинул свой флот в турецкие воды, явившись защищать Константинополь. Англо-французская коалиция поставила себе задачу обезоружить Россию на Черном море и уничтожить черноморский флот; новоиспеченного (1852) императора Франции Луи Наполеона III, племянника Наполеона I, соблазн «наказать» Россию вдохновлял еще и как реванш за поражение 1812 года.

И была еще одна, весьма существенная, но далеко не всеми историками признаваемая причина, из-за которой в 1853 году началась Восточная война. Инспирированный Наполеоном III двухлет-

ний спор с Россией о «святых местах» закончился тем, что в январе 1853 года ключи от Вифлеемского храма (церковь Яслей Господних) и Иерусалимского храма (церковь Гроба Господня) были демонстративно, по сути своей скандально, отняты у православной общины, которой они традиционно принадлежали, и под давлением Парижа переданы турецкими властями Палестины католикам. «Латиняне украли положенную православными греками на месте Рождества Христова звезду с тем, чтобы заменить ее латинской звездой. Это послужило поводом к политическим спорам» [Описание святых мест Палестины, 1914, с. 145], — утверждал настоятель Гефсимании архимандрит Пантелеимон.

В конце XIX века русский историк П.В. Безобразов замечал: «Восточный вопрос был причиной последней нашей войны с Францией. Крымская кампания возгорелась из-за вопроса, который многим казался пустым и не стоящим внимания, из-за ключей Вифлеемского храма. Но дело заключалось, конечно, не только в том, кому будет принадлежать Вифлеемская святыня; за этим вопросом скрывалось вековое недоразумение: речь шла о политическом влиянии на Востоке. Франция желала восстановить утраченный ею авторитет, вернуть те времена, когда французские дипломаты царили на <…> Босфоре. Император Николай Павлович выступил в роли, какую принимали на себя все русские цари, начиная с Ивана Грозного, в роли покровителя и защитника Православного Востока» [Безобразов, 1892, с. 265].

С целью оказать давление на Турцию, русские войска вошли в Молдавию и Валахию — княжества, находившиеся под протекторатом России по условиям Адрианопольского мирного договора, завершившего Русско-турецкую войну (1828–1829)[1]. Отказ Николая I убрать войска привел сначала Турцию, а через пять месяцев Великобританию и Францию к объявлению войны России. Нежелание двух крупнейших европейских держав поддержать Россию в споре с Турцией о «святых местах» и стало официальной причиной объявления войны, см.: [Тарле, 1950, с. 435–485].

Идеолог Восточной войны архиепископ Парижский кардинал Мари Доминик Огюст Сибур (Marie Dominique Auguste Sibour), интерпретируя факт возвращения католикам некоторых привилегий в Палестине, отнятых турками у православных («ключ от Гроба Господня»), утверждал: «Война, в которую вступила Франция

[1] [Адрианопольский мирный договор].

с Россией, не есть война политическая, но война священная. Это не война государства с государством, народа с народом, но единственно война религиозная. Все другие основания, выставляемые кабинетами, в сущности, не более как предлоги, а истинная причина, угодная Богу, есть необходимость отогнать ересь... укротить, сокрушить её. Такова признанная цель этого нового крестового похода, и такова же была скрытая цель и всех прежних крестовых походов, хотя участвовавшие в них и не признавались в этом», цит. по: [Казарин, 2005, с. 15].

Концепция войны, одержанных побед и понесенных поражений будет зависеть от интересов, целей и задач сторон конфликта: так, для одних — причиной войны была отнятая у православных христиан Вифлеемская звезда, для других — борьба за доминирование в Европе и на Ближнем Востоке, для третьих — азарт реванша за утерянные в 1812 году политические позиции, см.: [Виноградов, 2006][2]. Имел значение даже и такой мотив: все Европейские державы поторопились признать Шарля Луи Наполеона Бонапарта французским императором Наполеоном III, и только Николай I слишком промедлил, к тому же отказал новому императору в титуле «Monsieur mon frère» («Господин брат мой»), заменив брата на друга («mon ami»).

Вряд ли, однако, жест дипломатической то ли неучтивости, то ли оскорбительной небрежности российского императора и в самом деле спровоцировал Францию вступить в Крымскую войну; вряд ли только пресловутая русская невежливость вызвала во Франции (и в целом в Европе) поистине сумасшедшую ненависть к России, которая обнаружилась во всем своем безобразии за годы Крымской военной кампании.

«Ложь успевает обойти полмира, пока правда надевает штаны»; «Ложь может путешествовать по всему миру, в то время как правда надевает туфли». Первое высказывание приписывают Уин-

---

[2] «Обосновавшийся на французском престоле император Наполеон III Бонапарт жаждал утвердить свою власть и повысить престиж в глазах подданных, наиболее эффектно достичь этого можно было, выиграв войну — реванш с Россией, где в 1812 г. погубил свою армию его великий дядя. Спровоцировать конфликт являлось делом техники. Французы извлекли из архивов султанский указ 1740 г., предоставлявший католическому духовенству заботу об уважаемых храмах Иерусалима и Вифлеема, и настояли на восстановлении его действия. Православный причт, представлявший громадное большинство "восточных христиан", был возмущен. Вмешалась российская дипломатия: в условиях стремительной утраты влияния единственной точкой опоры самодержавия оставалось право царей на покровительство православным» [Виноградов, 2006].

стону Черчиллю, второе — Марку Твену[3]. Скорее всего американец (1835–1910) высказался насчет правды и лжи прежде британца (1874–1965) — хотя бы потому, что был старше него на сорок лет. Но в данном случае совершенно неважно, кто первым сказал о неповоротливости правды и прыткости лжи: важно, что оба были отменно правы.

Правда о Крымской военной кампании, о которой в свое время слишком неохотно говорили, заключалась прежде всего в том, что в армиях держав, напавших на Россию с целью ее уничтожить и стереть с лица земли, воевали англичане и ирландцы, австралийцы и новозеландцы, шотландцы и североамериканцы. Какое дело британцам было до святых мест Палестины и Вифлеемской звезды? Почему спор католиков и православных за святыни так волновал представителей англиканской церкви и толкал на кровавую битву? Почему все военные части коалиции инструктировали чаще всего англичане, они же были командирами кораблей союзного флота? В войсках, рванувших в сторону Крыма и Севастополя, сражались французы и итальянцы, поляки и венгры, немцы и швейцарцы, египтяне и тунисцы. Человеческие и материальные ресурсы союзников были огромны; Россия в своем отчаянном противостоянии столкнулась больше, чем со всей Европой.

Что двигало ими всеми, а главное, теми, кто их направлял, вооружал, звал на битву? Не была ли действительно война против России в середине XIX столетия попыткой реванша «всей Европы» за свое поражение в 1812 году? Британский историк А.Дж.П. Тэйлор напишет сто лет спустя: «Крымская война велась скорее в интересах Европы, чем для разрешения Восточного вопроса: она велась против России, а не за Турцию. <...> Англичане воевали с Россией из озлобления <...>» [Тэйлор, 1958, с. 101–102].

II

Для граждан Российской империи европейский военный конфликт второй половины XIX века (1853–1856), как бы кто к нему ни относился, стал центральным историческим событием, определившим самые основы их мировосприятия. Он стал еще и тяжелым драматическим переживанием, а для многих страданием. Но относились к нему — и к его побудительным мотивам (причинам), и к его

[3] [Цитаты известных личностей].

главным событиям (сражениям), и к его результатам (поражению России) — действительно все по-разному.

Ф.М. Достоевский во многом был сформирован Крымской военной кампанией, несмотря на то, что он в ней лично не участвовал, ибо во все время ее течения пребывал на каторге и в ссылке. Но именно Крымская военная кампания подтолкнула его к размышлениям о положении России в мире с точки зрения ее геополитических интересов. Спустя два десятилетия эти размышления созреют у него до цельного мировоззрения.

В апреле 1854 года, через два с лишним месяца после выхода из Омского каторжного острога и фактически сразу по прибытии в Семипалатинск (начало марта), Достоевский смог получить доступ к газетной и журнальной периодике. Во-первых, ему разрешили переехать из деревянной солдатской казармы на частную квартиру и жить отдельно, под присмотром ротного командира Степанова. Во-вторых: ссыльный солдат получил приглашение бывать в доме командира Сибирского линейного № 7 батальона подполковника Белихова для чтения тому газет. Расширился круг общения, с новыми знакомыми можно было разговаривать, обсуждать насущное и волнующее[4].

Зима и весна 1854 года протекали под знаком ультиматумов и манифестов. 29 января Наполеон III потребовал от России увести войска из Дунайских княжеств и начать переговоры с Турцией. 21 февраля Россия отвергла французский ультиматум и прервала отношения с Англией и Францией. 27 марта Англия и Франция объявили войну России. 9 февраля Николай I собственноручно написал Манифест о вступлении в войну Англии и Франции на стороне Турции[5]. Спустя два месяца, 11 апреля, был повсеместно обнародован Высочайший манифест «О войне с Англиею и Франциею».

---

4 См.: «Круг знакомств Достоевского (в Семипалатинске. — *Л.С.*) <...> насчитывает 85 лиц. Среди них были офицеры, чиновники, ссыльные поляки, люди “из простых”» [Левченко, 1994, с. 236].

5 Российский государственный архив древних актов. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 737. Л. 12. Тип. экз. Манифест императора Николая I о вступлении в войну Англии и Франции на стороне Турции. 9 февраля 1854 года [Манифест, 9 февраля 1854 года].

Илл. 1. Английский премьер-министр лорд Г.Д. Пальмерстон (крайний слева) и французский император Наполеон III уступают друг другу честь вмешаться в войну России с Турцией. Карикатура Н.А. Степанова (1807–1877). Бумага, хромолитография. 1855 год.

Fig. 1. English Prime Minister Lord H.D. Palmerston (far left) and French Emperor Napoleon III concede to each other the honor of intervening in Russia's war with Turkey. Caricature by N. Stepanov (1807–1877). Paper, chromolithography. 1855.

Николай I всенародно объявлял:

«С самого начала несогласий Наших с турецким правительством Мы торжественно возвестили любезным Нашим верноподданным, что единое чувство справедливости побуждает Нас восстановить нарушенные права православных христиан, подвластных Порте Оттоманской. Мы не искали и не ищем завоеваний, ни преобладательного в Турции влияния сверх того, которое по существующим договорам принадлежит России.

Тогда же встретили Мы сперва недоверчивость, а вскоре и тайное противоборство французского и английского правительств, стремившихся превратным толкованием намерений Наших ввести Порту в заблуждение. Наконец, сбросив ныне всякую личину,

Англия и Франция объявили, что несогласие наше с Турцией есть дело в глазах их второстепенное, но что общая их цель — обессилить Россию, отторгнуть у нее часть ее областей и низвести Отечество Наше с той степени могущества, на которую оно возведено Всевышнею Десницею.

Православной ли России опасаться сих угроз! Готовая сокрушить дерзость врагов, уклонится ли она от Священной цели, Промыслом Всемогущим ей предназначенной.

Нет!! Россия не забыла Бога! Она ополчилась не за мирские выгоды; она сражается за Веру Христианскую и защиту единоверных своих братий, терзаемых неистовыми врагами.

Да познает же все Христианство, что как мыслит Царь Русский, так мыслит, так дышит с ним вся русская семья, верный Богу и Единородному Сыну Его Искупителю Нашему Иисусу Христу православный русский народ.

За Веру и Христианство подвизаемся! С нами Бог, никто же на ны!»[6]

Апрель 1854-го совпал с драматическим событием Крымской войны — бомбардировкой Одессы союзным флотом в составе 28 судов. В газетах, которые Достоевский читал подполковнику Белихову, содержались и Высочайший манифест «О войне с Англиею и Франциею», и описание Одесской баталии. Слово «газеты» подразумевали прежде всего «Санкт-Петербургские Ведомости» — ежедневное общественно-политическое издание, где, помимо новостей и объявлений, в постоянной рубрике «Восстание христиан на Востоке» регулярно освещался ход военных событий. Находясь под сильнейшим впечатлением политических новостей и сочиняя стихотворение «На европейские события в 1854 году», Достоевский нацеливался именно на это столичное издание.

Резонно озадачиться вопросом — почему? Очерки и стихи о Крымской войне публиковались и в проправительственной газете Ф.В. Булгарина и Н.И. Греча «Северная пчела», и в журнале М.П. Погодина «Москвитянин». Однако ссыльный писатель, выпав на весь свой каторжный срок из литературной жизни, полагал, видимо, что можно рассчитывать только на то издание, где его хорошо знали. А как раз петербургская газета, в лице ее постоянного автора, поэта

---

6 Архив канцелярии Военного министерства. 1854 г., секр. д. № 36. Собственноручно написанный и исправленный императором Николаем манифест от 11 апреля 1854 года [Манифест, 11 апреля 1854 года].

и переводчика Э.И. Губера (1814–1847), благожелательно отнеслась к литературному дебюту Достоевского. «Я говорю о *Бедных людях* г. Достоевского, — писал Губер в газетном подвале. — Это была прекрасная книга, в которой рассказывалась трогательная история бедного труженика, с чистым и любящим сердцем, осужденного на унижение, голод и нужды. Это была простая повесть из действительной жизни, которая повторяется, может быть, каждый день в одном из темных закоулков нашего шумного, холодного, равнодушного города, — повесть, переданная с глубоким чувством и с верным знанием дела; но в то же время со всеми ошибками первого опыта...» [Губер, 1847, с. 14].

За дебютантом рецензент признавал «решительное дарование», разве что рассказ «Господин Прохарчин» показался ему утомительным и скучным [Губер, 1847, с. 14].

Э.И. Губер и сам был молодым дарованием и успел претерпеть много неприятностей от критиков. Его перевод гетевского «Фауста» был жестоко обруган В.Г. Белинским, но воспринимался многими современниками почти как подвиг и нуждался в снисхождении. Сочувствие к работе Губера неожиданно проявил А.С. Пушкин, и это стало мощным стимулом для переводчика — он завершил титанический труд в 1838-м, уже после гибели поэта. Губер и остался в истории как первый переводчик великой трагедии на русский язык [Перетяка, 2014]. Сильное впечатление произведет этот перевод и на Достоевского — факт тот, что в набросках к «Кроткой» ее герою отдано дорогое воспоминание: «Мне только что прислали 3 целковых, и я тотчас побежал купить “Фауста” Губера, которого никогда не читал. Я есмь зло, которое творит добро» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 330].

С «Санкт-Петербургскими Ведомостями» Достоевского связывало еще и то важнейшее обстоятельство, что в 1847 году (27 апреля, 11 мая, 1 июня, 15 июня) газета напечатала четыре его материала из фельетонного цикла «Петербургская летопись» (с подписью: Ф.Д.). А первый из череды фельетонов (13 апреля, с подписью: Н.Н.) вышел под редакционным примечанием: «Внезапная болезнь и потом кончина нашего даровитого, ревностного, незабвенного сотрудника Э.И. Губера причиною, что мы должны были обратиться на этот раз к одному из наших молодых литераторов» [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 302]. Достоевский и был приглашен в заметную газетную рубрику на место покойного Губера. Став в 1847 году постоянным

автором «Санкт-Петербургских Ведомостей», Достоевский, сотрудничество с которым было анонсировано редакцией и на 1848 год, видимо, надеялся в 1854-м, что газета вспомнит и не оттолкнет его...

Стихотворение «На европейские события в 1854 году», имеющее все признаки одического жанра, состоит из десяти строф по десять строк в каждой строфе, написано изысканным пятистопным ямбом со сложной системой рифмовки (абба cdcd ee; абаб сбсб сс), потребовавшей от стихотворца немалых версификаторских усилий. Меж тем эти сто строк со строго выдержанным размером и безукоризненным расположением строк были созданы менее чем за месяц, отнимая у солдата его вечера и ночи, ибо дни были заняты обязательной службой — учениями и смотрами.

Достоверно известно, что 1 мая 1854 года подполковник Белихов, получив от солдата беловой автограф стихотворения, представил его в Омск, начальнику штаба Отдельного сибирского корпуса генерал-лейтенанту Яковлеву с ходатайством автора о дозволении поместить патриотическое сочинение в «Санкт-Петербургских Ведомостях». Забегая вперед, скажем, что до газеты это стихотворение так и не дойдет.

Дело двигалось неспешно: 26 июня начальник штаба в официальном порядке препроводил искомое стихотворение в Петербург на рассмотрение управляющего III Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии генерал-лейтенанта Л.В. Дубельта вместе с ходатайством командира батальона Белихова, и обе бумаги были вшиты в дело «Об инженер-поручике Федоре Достоевском». 13 июля канцелярия III Отделения зарегистрировала получение бумаг из штаба Отдельного Сибирского корпуса – но необходимое разрешение от Дубельта не последовало. Бумаги пролежали без движения 29 лет. Только после смерти автора автограф стихотворения будет извлечен из дела «Об инженер-поручике Федоре Достоевском» и напечатан в журнале «Гражданин» [«Гражданин», 1883, № 1, с. 3–7].

В отечественном литературоведении начала 1970-х сложилось стойкое убеждение, что стихотворение было спровоцировано тяжелой обстановкой семипалатинской казармы, куда был помещен ссыльный, диктовалось его бедственным положением и отчаянным стремлением во что бы то ни стало вернуться в литературу. Оно якобы понадобилось автору как декларация политической благонадежности и верноподданнических чувств. Считалось, что автор

стремился использовать формулы и клише проправительственной русской периодики военного времени, чтобы идти вслед за официозом — для этого он переносил в свое стихотворение общие темы и образы патриотической поэзии [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 519–523. Примечания].

Действительно, журнал «Москвитянин», державшийся правительственного курса, широко публиковал в годы Крымской кампании военно-патриотические стихотворения С.П. Шевырева, П.А. Вяземского, И.С. Никитина, С.Е. Раича, Д.П. Ознобишина и других, менее известных авторов [Ратников, 2020].

Трудно, однако, представить себе, чтобы Достоевский ради возможных поблажек лгал и притворялся, выставляя на своем патриотическом знамени списанные с проправительственных газет лозунги, в которые не верил и которых не разделял. Напомню: К.Н. Мочульский, автор книги «Достоевский. Жизнь и творчество» (1947), сугубо отрицательно относясь к стихотворным опытам Достоевского времен семипалатинской ссылки («С железным упорством борется ссыльный писатель за свое освобождение. Чтобы доказать свою благонамеренность, он насилует свой талант и сочиняет три патриотические оды» [Мочульский, 1995, с. 298]), упрекая писателя в «самом неистовом национализме, основанном на религиозной миссии русской империи» [Мочульский, 1995, с. 299], все же признает: «Можно было бы пройти мимо этих вымученных виршей и верноподданнических чувств, рассчитанных на немедленную “монаршию милость”, если бы... они не были искренни. <...> В политическом плане “перерождение убеждений” было полное. Новое мировоззрение, которому он останется верен на всю жизнь, сложилось уже в 1854 году. Церковно-монархический империализм автора “Дневника Писателя” предначертан в патриотических стихах 1854–1856 года» [Мочульский, 1995, с. 299].

Оставим в стороне термин Мочульского «церковно-монархический империализм». Достоевский, осудив на каторге бунтарские увлечения своей молодости, определял испытываемые им новые чувства как трезвое осознание себя патриотом великой империи — и не стеснялся эти чувства высказывать публично, пусть пока и в жанре оды. О «стыде собственного мнения» как о самой главной силе, как о цементе, всё связующем, скажет позже герой «Бесов» Петр Верховенский: «Вот это так сила!» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 298–299]. Достоевский же своих мнений не стыдился. «Я говорю

о патриотизме, — напишет он А.Н. Майкову в январе 1856-го, — об русской идее, об чувстве долга, чести национальной, обо всем, о чем Вы с таким восторгом говорите. <...> Россия, долг, честь? — да! я всегда был истинно русский — говорю Вам откровенно. <...> Вполне разделяю с Вами патриотическое чувство *нравственного* освобождения славян. Это роль России, благородной, великой России, святой нашей матери» [Достоевский, 1972–1990, т. 28_1, с. 208].

В этом же письме (адресат его никак не мог быть еще одним источником царских милостей) Достоевский выражает свой новый взгляд на русский народ. «Уверяю Вас, что я, например, да такой степени родня всему русскому, что даже каторжные не испугали меня, — это был русский народ, мои братья по несчастью, и я имел счастье отыскать не раз даже в душе разбойника великодушие, потому собственно, что мог понять его; ибо сам был русский. <...> Можно ошибиться в идее, но нельзя ошибиться сердцем и ошибкой стать бессовестным, то есть действовать против своего убеждения» [Достоевский, 1972–1990, т. 28_1, с. 208–209].

Илл. 2. И.К. Айвазовский (1817–1900). «Синопский бой 18 ноября 1853 года. Ночь после боя». 1853. Масло, холст. Санкт-Петербург. Центральный военно-морской музей имени императора Петра Великого.
Fig. 2. I.K. Aivazovsky (1817–1900). *The Battle of Sinop on November 18, 1853. The Night after the Battle*. 1853. Oil on canvas. St. Petersburg. Peter the Great Central Naval Museum.

...В апреле 1854-го ссыльный солдат уже не жил в казарме. Война шла седьмой месяц, и он действительно был охвачен сильным патриотическим волнением. Минуло победоносное Синопское

сражение (ноябрь 1853), когда русский черноморский флот под командованием вице-адмирала П.С. Нахимова за несколько часов разгромил турецкую эскадру и в плен был захвачен ее командующий вице-адмирал Осман-паша.

Достоевский обратился к событиям войны не вдруг и не только под влиянием Высочайших манифестов. Начало военных действий застало его еще в Омском остроге — спустя семнадцать лет он расскажет о своем тогдашнем настроении А.Н. Майкову. Речь пойдет о поведении сограждан в случае русской беды или «просто больших русских хлопот»: «Я вон как-то зимою прочел в “Голосе” серьезное признание в передовой статье, что “мы, дескать, радовались в Крымскую кампанию успехам оружия союзников и поражению наших”. Нет, мой либерализм не доходил до этого; я был тогда еще в каторге и *не* радовался успеху союзников, а вместе с прочими товарищами моими, несчастненькими и солдатиками, ощутил себя русским, желал успеха оружию русскому и — хоть и оставался еще тогда всё еще с сильной закваской шелудивого русского либерализма <…>, — но не считал себя нелогичным, ощущая себя русским» [Достоевский, 1972–1990, т. 29_1, с. 145].

Замечательное признание Достоевского в том, что он, государственный преступник и каторжник, в момент русской беды желал русскому оружию победы, а не поражения, имело еще и то значение, что там, в Омском остроге, с ним разделяли эти чувства и арестанты («несчастненькие»), и охрана («солдатики»). То есть Достоевский «вместе с прочими товарищами», братьями по несчастью, горячо обсуждали военную напасть, говорили о ней, делились размышлениями. Факт патриотического единодушия, свидетельство о безусловной поддержке *своих*, объединившей во время Крымской войны каторгу, поистине бесценны.

III

Беда виделась Достоевскому еще и в том, что европейский мир рисовал Россию сплошь в черных красках. Автор стихотворения, отвергая обвинения противной стороны: «Писали вы, что начал ссору русской, / Что как-то мы ведем себя не так, / <…> Что хочется завоеваний нам» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 405], вступал в острый спор против демонизации России. Нечестные, предательские политические игры стали играми без правил. Накануне войны русское правительство рассчитывало если не на помощь, то хотя бы

на нейтралитет Вены. Но молодой австрийский император Франц Иосиф еще за три года до начала войны писал своей матери: «Наше будущее — на востоке, и мы загоним мощь и влияние России в те пределы, за которые она вышла только по причине слабости и разброда в нашем лагере. Медленно, желательно незаметно для царя Николая, но верно мы доведем русскую политику до краха. <...> Наш естественный противник на востоке — Россия», см.: [Музафаров, 2020].

Лорд Генри Джон Темпл Пальмерстон, видный государственный деятель Великобритании, разжигая пламя войны, сумел сплотить мощную коалицию Европейских держав против России. По сценарию Пальмерстона, коалиция должна была захватить основные морские порты Российской Империи и осуществить морскую блокаду со стороны Белого, Балтийского и Черного морей, а также Тихого океана. Прижав Россию к Уральскому хребту, коалиция рассчитывала на паралич торговли, крестьянские восстания, всплеск национального сепаратизма и распад страны. В России лорда Пальмерстона называли предателем Христовой веры, вероотступником[7]. Его имя стало нарицательным[8], попало в карикатуры и сатирические стихотворения.

Стихи поэта В.П. Алферьева «На нынешнюю войну» (особенно первое из семи четверостиший) пользовались огромной популярностью, их переписывали, декламировали, распевали.

---

[7] В стихотворении Ф.Н. Глинки «Ура! На трех ударим разом!..» есть такие строфы: «<...> засорив поля *картечью*, / В *Париже* Русской *мирно* жил / И бойкою Французской речью, / Да Русским золотом сорил! / И после, на Москве сожженной / И над нетронутой Невой, / Никем, нигде не оскорбленной, / Француз с Британцем был *как свой*. / Но что ж? — За хлеб-соль, нашу дружбу, / Предав наш *Символ* за *коран*, / Вы к Туркам поступили в службу / И отступились Християн!!!…» [Глинка, 1854, с. 1].

[8] Имя лорда Пальмерстона упоминается у Достоевского чаще всего в нарицательном смысле: *пальмерстоны, пальмерстонство* [Достоевский, 1972–1990, т. 19, с. 111, 121], что означало у него самоупоенность, кичливость, юпитерское величие, олимпийство. Комментаторы Полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского справедливо называют Пальмерстона «одним из вдохновителей военных действий Англии против России» [Достоевский, 1972–1990, т. 19, с. 299]. Современный исследователь, опираясь на неопубликованные материалы Архива внешней политики Российской империи, опубликованные отчеты о дебатах британского парламента, тексты выступлений дипломата, материалы британской печати, пишет: «Он (Пальмерстон. — *Л.С.*) принял личное участие в организации русофобской кампании накануне и в годы Крымской войны. Его по праву можно считать одним из зачинателей информационных войн в истории мировой политики» [Жолудов, 2016].

Вот в воинственном азарте
Воевода Пальмерстон
Поражает Русь на карте
Указательным перстом.

Вдохновлен его отвагой,
И француз за ним туда ж,
Машет дядюшкиной шпагой
И кричит: Allons, courage! [Алферьев, 1854, с. 1].

В стихотворении П.А. Вяземского «Матросская песня» (1855), посвященном атакам английской армады, пытавшейся в 1854 году блокировать Кронштадт, русские матросы в частушечном стиле обращаются к англичанам и их военному вдохновителю:

Англичане, вы,
Сгоряча, Невы
Поклялись испить,
Нас взялись избить.
Море ждет напасть,
Сжечь грозит синица,
И на Русь напасть
Лондонская птица.

«Лондонской птицей» назван лорд Пальмерстон вместе с его угрозами, часто звучавшими в британской печати. Русские матросы говорят о нем с издевкой:

Скажешь: «Уж пророк
Этот Пальмерстон!
Он меня подбил,
Он же напоил.
И победных сил
Спьяну насулил».
Вот тебе и хмель!
В голове шумело,
А очнись – эх, мель!
И всё дело село.

За цветной подвязкой
Сунулся ты к нам,
Но в той топи вязкой
Ты увязнешь сам» [Вяземский, 1958, с. 332–333.].

«Иронически названный пророком Пальмерстон выступает в качестве обманщика, провокатора и виновника поражений английского флота, — констатирует современный автор. — Примечательно, что его образ отождествляется с фигурой кабатчика. В художественном тексте он доводит своих клиентов до бессознательного состояния и подталкивает к необдуманным и безрассудным поступкам. Пальмерстон здесь не взвешенный политик, манипулирующий европейской дипломатией, а вульгарный собутыльник. Политическая деятельность Пальмерстона оценивается Вяземским как бесполезная. Под действием алкоголя она дает временное забвение и ни на чем не основанную смелость, приводящую к неудачам» [Петрунина, Шунейко, 2016].

Ожидания Пальмерстона прорваться к Кронштадту не оправдались: Пальмерстон оказался лжепророком.

Стоит заметить, что А.И. Герцен, находясь с 1847 года в эмиграции, в мемуарах «Былое и думы», представившей огромную панораму отечественной и европейской жизни середины XIX века, Крымской военной кампании уделяет всего шесть строк: «Прошел 1854, настал 1855, умер Николай, Польша не двигалась, война ограничивалась берегом Крыма; о восстановлении польской национальности нечего было и думать; Австрия стояла костью в горле союзников; все хотели к тому же мира, главное было достигнуто: *статский* Наполеон покрылся военной славой» [Герцен, 1957, с. 26].

Живя во время Крымской войны в Лондоне, Герцен имел возможность составить впечатление об английском лорде и восхититься им, его энергией, работоспособностью, моложавостью, «страстной привычкой работать»: «А *вечно юный* Пальмерстон, скачущий верхом, являющийся на вечерах и обедах, везде любезный, везде болтливый и неистощимый, бросающий ученую пыль в глаза на экзаменах и раздачах премий — и пыль либерализма, национальной гордости и благородных симпатий в застольных речах, Пальмерстон, заведующий своим министерством и отчасти всеми другими, исправляющий парламент!» [Герцен, 1957, с. 109].

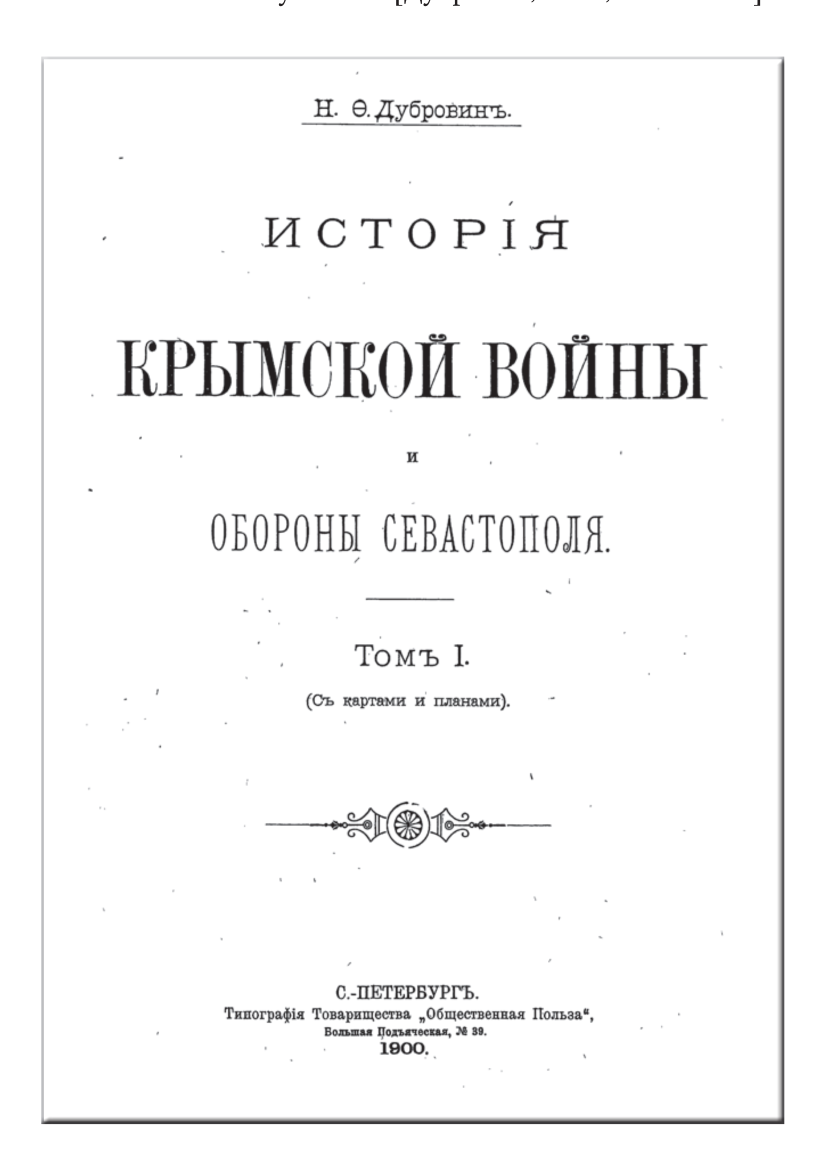
В русской периодической печати XIX века Пальмерстона называли *великим лордом-поджигателем, режиссером Крымской войны, злым гением нашего времени.*

В книге военного историка, генерал-лейтенанта Н.Ф. Дубровина (1837–1904), «История Крымской войны и обороны Севастополя» приводится интересная информация, свидетельствующая о куда большем участии А.И. Герцена в событиях Крымской войны, чем он рассказал о том сам.

«Пропаганда в армии и распространение различного рода воззваний велись систематически с 1849 года и производилась преимущественно поляками. В Лондоне образовалось особое польское демократическое общество, к которому впоследствии примкнули русские изгнанники: Герцен, известный под именем Искандера, Головин и многие другие. Имея в рядах русской армии своих агентов и приверженцев из поляков, они, при посредстве своих соучастников, массами рассылали воззвания, имеющие главной целью поселить в войсках деморализацию и пошатнуть дисциплину. В конце 1853 и в начале 1854 года воззвания эти, обращенные преимущественно к войскам, в изобилии проникали в Россию через западную границу и преимущественно через царство Польское. Они же привезены были в огромном количестве и англо-французами в Крым, где раздавались всем встречным татарам, не понимавшим впрочем русского языка. Написанные бойким языком, с полным старанием сделать их доступными пониманию простого народа и преимущественно солдата, прокламации эти делились на две части: одни были подписаны Герценом, Головиным, Сазоновым и прочими лицами, покинувшими свое отечество; другие — поляками Зенковичем, Забицким и Ворцелем.

Русские эмигранты приглашали наших солдат не сражаться против поляков, если последние восстанут против правительства, и с этой целью издали в Лондоне целый ряд брошюр весьма разнообразных по заглавиям и содержанию. К числу таких брошюр принадлежат: “Катехизис русского народа”; “Поляки прощают нас”; “Русским солдатам в Польше”; “Второе видение святого отца Кондратия” и проч. Рассылая эти воззвания, эмигранты-поляки, со своей стороны, склоняли своих соотечественников, находившихся в рядах русской армии, к побегу и составляли в Турции особый польский легион, предназначавшийся для действий вместе с англо-французами. Русское дворянство и сословие крестьян тоже не было забыто; для

первых была издана брошюра Герцена под оригинальным названием “Юрьев день! Юрьев день!”, а для возмущения крестьян явился с поклоном “Емельян Пугачев”» [Дубровин, 1900, с. 202–203].

Н. Ѳ. Дубровинъ.

ИСТОРІЯ

КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

и

ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

Томъ I.

(Съ картами и планами).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза",
Большая Подъяческая, № 39.
1900.

Илл. 3. Обложка книги генерал-лейтенанта Н.Ф. Дубровина по истории Крымской войны и обороны Севастополя.
Fig. 3. Cover of the book by Lieutenant General N.F. Dubrovin on the history of the Crimean War and the defense of Sevastopol.

IV

Патриотические чувства Достоевского, сколько бы газет он ни читал, не были взяты взаймы. Первая строка его стихотворения — «С чего взялась всесветная беда?» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 403] — безошибочно обозначила масштаб события, ведь и на протяжении всей своей истории Русь страдала от нашествий и междоусобий. *Всесветная* беда мыслилась как беда *вселенская, всемирная*. Автор отчетливо понимал, что Россия втянута в войну со всем европейским миром, что воюет она одна, без союзников, что французы расположились в первых рядах ее противников и не смирились со своим поражением в войне 1812 года. Образ Англии, предавшей веру, остервенело воюющей ради захвата чужих богатств, поощряющей гонения на православие, показан с предельной ясностью:

То Альбион, с насилием безумным
(Миссионер Христовых кротких братств!),
Разлил недуг в народе полуумном,
В мерзительном алкании богатств!
Иль не для вас всходил на крест Господь
И дал на смерть Свою Святую плоть?
Смотрите все – Он распят и поныне,
И вновь течет Его святая кровь!..
Вновь язвен Он, вновь принял скорбь и муки,
Вновь плачут очи тяжкою слезой,
Вновь распростерты Божеские руки
И тмится небо страшною грозой!
То муки братии нам единоверных
И стон церквей в гоненьях беспримерных!

[Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 405].

Находясь под несомненным влиянием пушкинского стихотворения «Клеветникам России» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 522. Примечания], Достоевский находит свои собственные образы противостояния России и Европы, видя в нем не только политическую, но и религиозную подоплеку. Он не подражает Пушкину, он солидарен с ним в понимании происходящего. Выступая в роли искусного оратора и народного трибуна, Достоевский обращается, по примеру А.С. Пушкина, к политическим противникам, западным дипломатам и журналистам («Народ вы умный, всякой это знает, / Да славушка

пошла об вас худа!» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 403]) и призывает их воспринимать Россию как страну много страдавшую, много претерпевшую, но ныне твердо вставшую на ноги: «Попробуйте на нас теперь взглянуть, / Коль не боитесь голову свихнуть!» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 403]. Он не признает за деятелями европейских стран диктовать России правила игры, указывать ей ее место в конце длинного списка государств. Он отстаивает право своей страны участвовать в решении Восточного вопроса, в освобождении славянских народов из-под власти Турции.

Достоевский сумел самостоятельно разглядеть и религиозный смысл военного конфликта и его вопиюще абсурдную политическую подоплеку: европейские христиане в войне с православной Россией приняли сторону магометанской Турции: «С неверными на Церковь воевать, / То подвиг темный, грешный и бесславный! / Христианин за турка на Христа! / Христианин — защитник Магомета! / Позор на вас, отступники Креста, / Гасители Божественного света!» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 405]. Ведь и многие современники Достоевского поражались этой парадоксальной ситуацией[9].

Стихотворение «На европейские события в 1854 году» отразило, помимо твердого патриотического чувства Достоевского, его ясную политическую позицию в русско-европейском военном конфликте, его понимание глубинной сути проблемы «Россия и Европа». Стихотворение выявит огромный публицистический дар автора, который получит мощное развитие в 1860–1870-е годы: писатель в полной мере овладеет искусством говорить «от первого лица», и его публицистика, созданная в прозе, будет столь же пламенной, сколь пламенными были его стихотворные опыты времен Семипалатинска.

Крымская война, как ее воспринял Достоевский, была экзистенциальным вызовом России. Не выпускать ее из войны, продлить военные действия как можно дольше и как можно глубже — стало лозунгом западной коалиции. Лондонская газета «Таймс» (1854) не скрывала хищных намерений: «Хорошо бы вернуть Россию к обработке внутренних земель, загнать московитов вглубь лесов и степей» [Волкова, 2020]. «Главная цель политики и войны, — писала все та же “Таймс”, — не может быть достигнута до тех пор, пока будет

---

[9] Ф.Н. Глинка писал, обращаясь к союзникам: «Что ж скажет летопись пред светом / Про нечестивый ваш союз? / Британец в сделке с Магометом, / И — стыд! Отурчился француз!!» [Глинка, 1854, с. 1].

существовать Севастополь и русский флот. Но раз только этот центр могущества России на юге Империи будет уничтожен — разрушится и все здание, сооружением которого Россия занималась сотню лет... Взятие Севастополя и занятие Крыма вознаградят все военные издержки и решат вопрос в пользу союзников» [Дубровин, 1900, с. 123].

О том же самом твердил Джон Рассел (дед философа Бертрана Рассела), лидер Палаты общин и глава Либеральной партии: «Надо вырвать клыки у медведя... Пока его флот и морской арсенал на Черном море не разрушен, не будет в безопасности Константинополь, не будет мира в Европе» [Волкова, 2000].

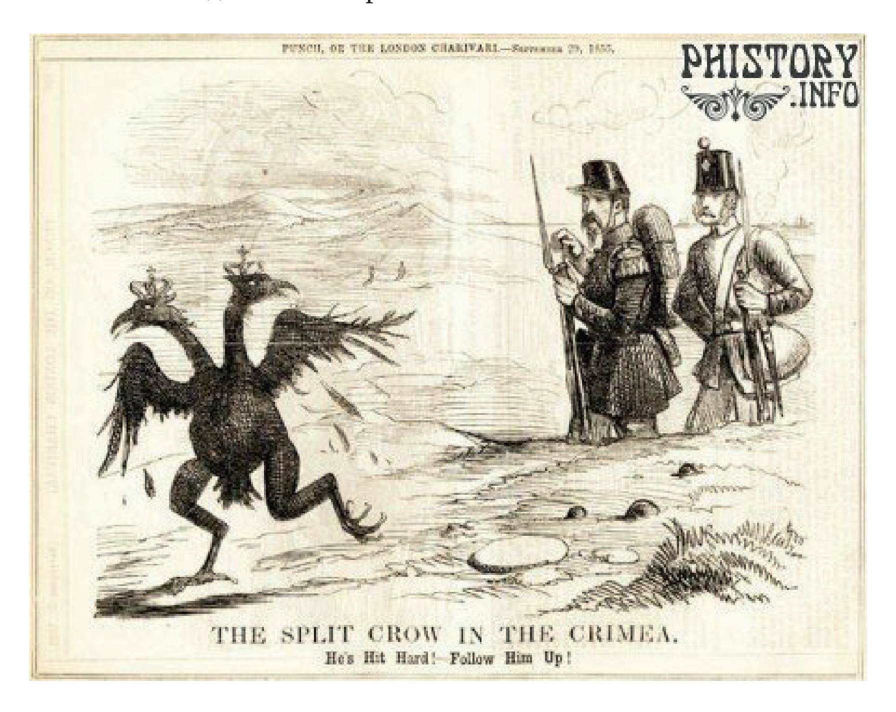
Илл. 4. Honoré Victorin Daumier (1808–1879). «Un ours contarié» (Оноре Викторен Домье. «Опечаленный медведь»). Французская карикатура времен Крымской войны.

Fig. 4. Honoré Victorin Daumier (1808–1879). *Un ours contarié*. French caricature from the Crimean War.

Северного медведя европейцы считали самым злым и опасным из всех видов медведей, так что этому медведю — России — пришлось держать оборону одновременно на нескольких фронтах: в Крыму,

на Кавказе, Свеаборге, Кронштадте, на Соловках и Камчатке. Всю ответственность за Крымскую войну европейская пресса тем не менее возлагала на Россию. Была развернута мощная антирусская информационная кампания. Успехи российских войск всячески принижались, ключевые сражения, если они выигрывались Россией, преподносились как рядовые. Британский еженедельный журнал сатиры и юмора «Панч» («Punch») 29 сентября 1855 года поместил карикатуру «The Split Crow in the Crimea» («Разодранная ворона в Крыму»): на рисунке два вооруженных винтовками солдата союзнической коалиции самодовольно наблюдают, как жалкий двуглавый орел, удирая, теряет по дороге остатки своего черного оперения. Подпись под рисунком: «He's Hit Hard — Follow Him Up!» («Он получил тяжелый удар — Преследуй его») была красноречивой: несчастного тощего орла-ворону следовало догнать и добить [Punch, 1855].

Именно такая участь предназначалась России, такой судьбы желала ей объединенная Европа.

Илл. 5. «Разодранная ворона в Крыму». Карикатура из журнала «Punch» 29 сентября 1855.

Fig. 5. "The Split Crow in the Crimea." Caricature from the magazine *Punch*. 1855, September 29th.

По свидетельству генерала Дубровина, английский историк Крымской войны А.У. Кинглек утверждал: его соотечественники, глядя на Севастополь, «не могли примириться с той мыслью, что севастопольский рейд и его батареи вполне защищают русский флот от английских кораблей. Истребление этого флота с его огромными запасами и вместе с ним уничтожение могущества России на Черном море — составляло искреннейшее желание каждого из жителей Великобритании. Высадка в Крыму и овладение Севастополем являлись естественной целью предстоявших военных действий. Наиболее распространенная в Англии газета "Таймс" давно и во всеуслышание трубила об этом, во всех закоулках своего отечества, подготовляя и направляя общественное внимание на этот уголок России» [Дубровин, 1900, с. 68–69].

V

Революционные силы Европы самого разного толка, в том числе и марксисты-социалисты, стремились обозначить себя силой, враждебной России. Настоящими ястребами выступили Карл Маркс и Фридрих Энгельс. К. Маркс согласно цитировал: «Мы думаем, что мало русских, которые не узнали бы, до какой степени немцы, все немцы, а главным образом немецкие буржуа, и под их влиянием, увы, и сам немецкий народ ненавидят Россию. Эта ненависть — одна из сильнейших национальных немецких страстей» [Маркс, 1961, с. 594].

Россия, в представлении К. Маркса, Ф. Энгельса и многих других представителей интеллектуальной элиты Западной Европы, — это азиатчина, чуждая европейской цивилизации, поэтому нецивилизованное отношение ко всему русскому оправдывалось и поощрялось. Работа Маркса «Разоблачения дипломатической истории XVIII века» (1856) была наполнена такой мощной отрицательной энергией, направленной на историю России, ее правителей и их политики, что подвергала сомнению само право страны на существование. Маркса мучил вопрос: «Как могла эта держава, или этот призрак державы, умудриться достичь таких размеров, чтобы вызывать, с одной стороны, страстное утверждение, а с другой — яростное отрицание того, что она угрожает миру восстановлением всемирной монархии?» [Маркс, 1989].

Многие высказывания Маркса о России настолько нелицеприятны, что «Разоблачения...» были переведены на русский язык только в 1950-е годы; их никогда не включали в Собрания его сочи-

нений и впервые опубликовали только в 1989 году в журнале «Вопросы истории». Да и какому русскому марксисту приятно было бы прочесть, например, такое: «Колыбелью Московии было кровавое болото монгольского рабства, а не суровая слава эпохи норманнов. А современная Россия есть не что иное, как преображенная Московия» [Маркс, 1989]. Или такое: «Всю его (Ивана Калиты. — *Л.С.*) систему можно выразить в нескольких словах: макиавеллизм раба, стремящегося к узурпации власти. Свою собственную слабость — свое рабство — он превратил в главный источник своей силы. <...> Такова же политика и Петра Великого, и современной России, как бы ни менялись название, местопребывание и характер используемой враждебной силы» [Маркс, 1989].

Пик антирусских настроений основоположников марксизма пришелся как раз на период Крымской военной кампании. Ф. Энгельс в статье «Европейская война» (1854) писал о реалиях войны с нескрываемой враждебностью к русской стороне: «Без сомнения, союзный флот способен разрушить Севастополь и уничтожить русский черноморский флот; союзники в состоянии занять и удержать Крым, оккупировать Одессу, блокировать Азовское море и развязать руки горцам Кавказа. Нет ничего легче, если действовать быстро и энергично» [Энгельс, 1958, с. 3]. Россия ощущалась автором как кость в горле Европы. «Во что превратилась бы Россия, — мечтательно воображал Энгельс, — без Одессы, Кронштадта, Риги и Севастополя, если бы Финляндия была освобождена, а неприятельская армия расположилась у ворот столицы и все русские реки и гавани оказались блокированными? Великан без рук, без глаз, которому больше ничего не остается, как пытаться раздавить врага тяжестью своего неуклюжего туловища, бросая его наобум то туда, то сюда, в зависимости от того, где зазвучит вражеский боевой клич» [Энгельс, 1958, с. 4].

Но что говорить о европейских мыслителях-марксистах или о русских западниках с их требованиями ни в коем случае не дать России победить в Крымской войне, если и славянофилы слишком терпимо относились к возможному поражению своей страны в схватке с Европой. Так, А.И. Кошелев признавался: «Высадка союзников в Крыму в 1854 году, последовавшие затем сражения при Альме и Инкермане и обложение Севастополя нас не слишком огорчили, ибо мы были убеждены, что даже поражение России сноснее для нее и полезнее того положения, в котором она находилась в последнее

время. Общественное и даже народное настроение, хотя отчасти бессознательное, было в том же роде» [Кошелев, 2002, с. 58].

Е.В. Тарле писал о настроениях славянофилов подробнее: «Иван Киреевский скорбел искреннее и глубже, чем всегда несколько актерствовавший Хомяков, и прямо заявлял Погодину, что если бы не крымское поражение, то Россия “загнила бы и задохлась”. Да и сам Погодин, поклонник самодержавия, перестал мечтать о Константинополе и заговорил в своих “Записках” и речах в тоне либерального негодования на николаевщину, потерпевшую поражение» [Тарле, 1950].

В конце 1855 года журнал «Современник» опубликовал фельетон И.И. Панаева [Панаев, 1855, с. 235–243] — злую карикатуру на Достоевского: столичные собратья по перу не посчитались с бедственным положением недавнего каторжника и, судя по всему, торопились отмежеваться от его патриотической позиции, о которой могли прослышать в Петербурге. Так или иначе выбор времени для подобной публикации оказал дурную услугу публикаторам.

Сам Достоевский на страницах «Дневника Писателя» будет размышлять о чудесах самоотверженности русских воинов и об истинно христианской любви к противнику. Готовность русского человека жертвовать жизнью, защищая Отечество, лишена фанатизма и ненависти. В апрельском номере «Дневника Писателя» за 1876 год в статье «Парадоксалист» Достоевский напишет: «Вспомните, ненавидели ли мы французов и англичан во время Крымской кампании? Напротив, как будто ближе сошлись с ними, как будто породнились даже. Мы интересовались их мнением об нашей храбрости, ласкали их пленных; наши солдаты и офицеры выходили на аванпосты во время перемирий и чуть не обнимались с врагами, даже пили водку вместе. Россия читала про это с наслаждением в газетах, что не мешало, однако же, великолепно драться. Развивался рыцарский дух» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 125].

Достоевский напомнит, как в Крыму, под Севастополем, русские солдаты поднимали раненых французов и уносили их на перевязку «*прежде*, чем своих русских: “Те пусть полежат и подождут; русского-то всякий подымет, а французик-то чужой, его наперед пожалеть надо”. Разве тут не Христос, и разве не Христов дух в этих простодушных и великодушных, шутливо сказанных словах? Итак, разве не дух Христов в народе нашем — темном, но добром, невежественном, но не варварском. Да, Христос его сила, наша русская теперь сила» [Достоевский, 1972–1990, т. 25, с. 123].

Крым вместе с Севастополем для Достоевского — это прежде всего территория военной кампании. Достоевскому дорог Севастополь и в связи с личностью Эдуарда Ивановича Тотлебена, которого он назовет «настоящим героем севастопольским, достойным имен Нахимова и Корнилова» [Достоевский, 1972–1990, т. 28_1, с. 215]. В письме, адресованном самому Э.И. Тотлебену, писатель выразит горячую «благодарность русского к тому, кто в эпоху несчастья покрыл грозную оборону Севастополя вечной, неувядаемой славой» [Достоевский, 1972–1990, т. 28_1, с. 226].

Не смогут забыть Севастополь и герои романов Достоевского. Порфирий Петрович рассказывает Раскольникову, как после битвы на реке Альме 8 сентября 1854 года, когда русское войско под командованием князя Меншикова вынуждено было отступить, англо-французские войска начали осаду Севастополя: «Говорят вон, в Севастополе, сейчас после Альмы, умные-то люди ух как боялись, что вот-вот атакует неприятель открытою силой и сразу возьмет Севастополь; а как увидели, что неприятель правильную осаду предпочел и первую параллель открывает, так куды, говорят, обрадовались и успокоились умные-то люди-с: по крайности на два месяца, значит, дело затянулось, потому когда-то правильной-то осадой возьмут!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 261].

Именно с «правильной осады», обнажая прием, и начинает свое сражение с подозреваемым и Порфирий Петрович.

Иволгин-старший выдумывает вдохновенную историю про свое ранение («в груди тринадцать пуль») и про то, как единственно для него хирург Пирогов «в Париж телеграфировал и осажденный Севастополь на время бросил, а Нелатон, парижский гофмедик, свободный пропуск во имя науки выхлопотал и в осажденный Севастополь являлся меня осматривать» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 108].

Высокая миссия защитника Севастополя не дает покоя и капитану Лебядкину. Лизе Тушиной, поэтической музе, он посвятит стихи: «Любви пылающей граната / Лопнула в груди Игната. / И вновь заплакал горькой мукой / По Севастополю безрукий» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 95]. Стихи потребуют авторского комментария: «Хоть в Севастополе не был и даже не безрукий, но каковы же рифмы!» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 95]. Не обойдется и без пояснения: «Всех более жалею себя, что в Севастополе не лишился руки для славы, не быв там вовсе, а служил всю кампанию по сдаче

подлого провианта, считая низостью» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 106].

В мае 1855 года по дороге в Крым, в действующую армию, торопится генерал-лейтенант Всеволод Ставрогин, отец Nicolas, чтобы поучаствовать в обороне города, но, не доехав, умирает [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 17]. Смерть на поле брани настигнет и мужа Софьи Матвеевны Улитиной, «подпоручика за выслугу из фельдфебелей», «сраженного в Севастополе пулей» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 494]. Его восемнадцатилетняя вдова остается служить в Севастополе сестрой милосердия, а после войны станет книгоношей. Кстати, в бытность свою редактором «Гражданина» Достоевский печатает статью о сестрах милосердия, работавших в осажденном городе: «Севастопольские подвижницы» (1874, № 2). В другом номере «Гражданина» (1874, № 8) будет напечатана статья, посвященная ежегодному ритуалу поминовения героев Севастопольской обороны «Севастопольские обеды».

Важно подчеркнуть: сочиняя биографию герою «Подростка» Андрею Версилову, автор сообщит: «В войну с Европой поступил опять в военную службу, но в Крым не попал и все время в деле не был» [Достоевский, 1972–1990, т. 13, с. 65].

Итак, «война с Европой» — вот настоящее название Крымской кампании, как ее понимал Достоевского. «Я убежден, — признается он в 1876 году, — что самая страшная беда сразила бы Россию, если б мы победили, например, в Крымскую кампанию и вообще одержали бы тогда верх над союзниками! Увидав, что мы так сильны, все в Европе восстали бы на нас тогда тотчас же, с фантастическою ненавистью. Они подписали бы, конечно, невыгодный для себя мир, если б были побеждены, но никогда никакой мир не мог бы состояться на самом деле. Они тотчас же бы стали готовиться к новой войне, имеющей целью уже истребление России, и, главное, за них стал бы весь свет» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 121].

VI

Фантастическая ненависть к России как доминирующее чувство европейских коалиций — одно из тех предвидений Достоевского, которые поражают и сегодня своей злободневностью. К тому же это предвидение было удивительно созвучно позиции Ф.И. Тютчева, многие годы отдавшего русской дипломатической миссии в Германии, но так и не ставшего германофилом. Тютчев и Достоевский

разобрались в сути конфликта солидарно — но независимо друг от друга, не будучи знакомы, имея разный возраст, социальный статус, писательский и человеческий опыт.

В момент начала Крымской военной кампании Тютчев писал своей жене Эрнестине Федоровне в Мюнхен: «Меня, конечно, нисколько не удивляет то, что ты говоришь о затаенном и чисто немецком недоброжелательстве, с каким наши лучшие друзья в Германии не преминули встретить новое свидетельство наших бедствий. <...> Что же касается другой Европы, еще более западной, что касается Англии и Франции, что касается этой печати, органа общественного сознания, ставшей на сторону турок и полной бешенства и лжи, <...> во всем этом заключается нечто грозно-промыслительное. <...> Я был, кажется, одним из первых, предвидевших настоящий кризис; ну так вот, я глубоко убежден, что этот кризис, столь медленно приближавшийся, будет гораздо страшнее и гораздо длительнее, нежели я предполагал. Остатка этого века едва хватит для его разрешения. Россия выйдет из него торжествующей, я знаю, но многое в теперешней России погибнет. То, что теперь началось, это не война, не политика, это целый мир, который образуется и который для этого должен прежде всего обрести свою потерянную совесть» [Тютчев, 2002–2005, т. 5, с. 150–151].

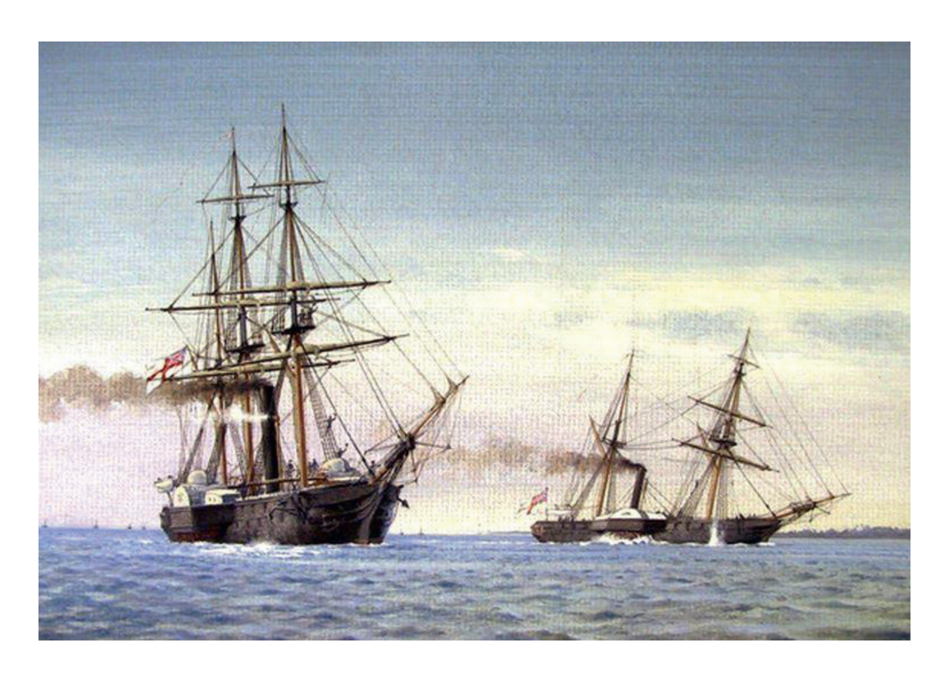
Спустя месяц, потрясенный сбывающимися предчувствиями, Тютчев будет вынужден констатировать: «Давно уже война висела в воздухе, теперь она сорвалась и все более и более разгорается в людях. Ничто не выражает так ясно всю меру ненависти к России, как это смехотворное бешенство французских и, в особенности, английских газет после наших последних успехов. Они самым серьезным образом вменяют ей в преступление и относят на ее счет столь известное изречение по поводу какого-то животного: оно было столь свирепо, что защищалось, когда на него нападали. Что же касается вероятного исхода борьбы, весь вопрос для меня сводится к следующему: окажется ли ненависть к нам Запада, как Запада католического, так и Запада революционного, в конечном счете сильнее ненависти, которая их разделяет?» [Тютчев, 2002–2005, т. 5, с. 155].

Предчувствия не просто сбывались — поражала скорость развития событий. «Больше обманывать себя нечего — Россия, по всей вероятности, вступит в схватку с целой Европой. Каким образом это случилось? Каким образом империя, которая в течение 40 лет только и делала, что отрекалась от собственных интересов и предавала

их ради пользы и охраны интересов чужих, вдруг оказывается перед лицом огромнейшего заговора? И, однако ж, это было неизбежным. Вопреки всему — рассудку, нравственности, выгоде, вопреки даже инстинкту самосохранения, ужасное столкновение должно произойти» [Тютчев, 2002–2005, т. 5, с. 160].

Спустя всего полгода, 19 июня 1854 года, завидя из Петергофа дымы неприятельской англо-французской эскадры на рейде Кронштадта, Тютчев пишет в Мюнхен: «На петергофском молу, смотря в сторону заходящего солнца, я сказал себе, что там, за этой светящейся мглой, в 15 верстах от дворца русского императора, стоит самый могущественно снаряженный флот, когда-либо появлявшийся на морях, что это весь Запад пришел выказать свое отрицание России и преградить ей путь к будущему <...>» [Тютчев, 2002–2005, т. 5, с. 175].

Целью кораблей было уничтожение русского Балтийского флота, базировавшегося в Кронштадте; их активность сдерживали

Илл. 6. Подрыв на минах английских пароходофрегатов у Кронштадта. Акварель. Худ. Андрей Тронь (р. 1960). Центральный военно-морской музей имени императора Петра Великого.
Fig. 6. Mine detonation of British steamship frigates near Kronstadt. Watercolor. Art. Andrei Tron’ (born 1960). Peter the Great Central Naval Museum.

только минные заграждения, поставленные русскими моряками, и мощная артиллерия кронштадтских фортов. Только осенью 1854 года флот союзников, после безуспешных попыток высадить десант на побережье, покинул Балтику.

Как видим, Тютчев испытал те же чувства при виде английской эскадры, что и князь П.А. Вяземский.

В письмах этого времени Тютчев не раз повторит, что он, бессильный ясновидец, принужден осознать: Россия, более чем когда-либо, воюет одна против всех, в схватке со всей Европой. В апреле 1854-го он размышлял: «“Давно уже можно было предугадывать <...>, что эта бешеная ненависть... которая тридцать лет, с каждым годом все сильнее и сильнее, разжигалась на Западе против России, сорвется же когда-нибудь с цепи. Этот миг и настал...”», цит. по [Кожинов, 2009].

Всю кампанию Тютчева заботил вопрос: удержит ли Россия за собой свою историческую самостоятельность для будущего развития или окончательно погубит и утратит ее. «Более тысячи лет готовилась нынешняя борьба двух великих западных племен противу нашего. Но до сих пор все это только были авангардные дела, теперь наступил час последнего, решительного, генерального сражения» [Тютчев, 2002–2005, т. 5, с. 231].

Крымская война стала центральным историческим событием не только для Тютчева и Достоевского, не только для поэтов Глинки и Вяземского. «Рано или поздно, хотим ли или не хотим, но борьба с Европою (или, по крайней мере, с значительнейшею частью ее) неизбежна из-за Восточного вопроса, то есть из-за свободы и независимости славян, из-за обладания Царьградом, — из-за всего того, что, по мнению Европы, составляет предмет незаконного честолюбия России, а по мнению каждого русского, достойного этого имени, есть необходимое требование **ее** исторического призвания» [Данилевский, 1995, с. 369], — утверждал теоретик почвенничества Н.Я. Данилевский в фундаментальном труде «Россия и Европа», созданном в 1868 году, по следам событий Крымской военной кампании.

Одну из глав книги («Почему Европа враждебна России?»), Данилевский предваряет стихотворными строками: «Мы слышим клеветы, мы знаем оскорбленья, / Тысячеглавой лжи газет, / Измены, зависти и страха порожденья. / Друзей у нашей Руси нет!» [Данилевский, 1995, с. 18]. Он с возмущением пишет о клеветах

на Россию, льющихся со страниц западных газет: Россия — колоссальное завоевательное государство, политический Ариман, темная, мрачная сила, враждебная прогрессу, гасительница света и свободы [Данилевский, 1995, с. 19, 36]. Данилевский по памяти цитирует высказывание немецкого историка и политического деятеля Карла Роттека: «Всякое преуспеяние России, всякое развитие ее внутренних сил, увеличение ее благоденствия и могущества есть общественное бедствие, несчастие для всего человечества». Это мнение Роттека «есть только выражение общественного мнения Европы» [Данилевский, 1995, с. 36], — утверждает Данилевский; его угнетает всегдашнее несправедливое отношение Европы к России: «Вешатели, кинжальщики и поджигатели становятся героями, коль скоро их гнусные поступки обращены против России» [Данилевский, 1995, с. 40].

Причина, как ее видит Данилевский, проста: «Дело в том, что Европа не признает нас своими. Она видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды» [Данилевский, 1995, с. 42]. И вот, пожалуй, самый горький вывод: «Русский в глазах их (европейцев. — *Л.С.*) может претендовать на достоинство человека только тогда, когда он потерял уже свой национальный облик» [Данилевский, 1995, с. 42]. Спустя двадцатилетие после Крымской войны подобные рассуждения станут ключевыми в публицистике Достоевского.

И Ф.И. Тютчев, в его намерении написать трактат «Россия и Запад», и Н.Я. Данилевский, независимо друг от друга, полагали, что Крымская война — это повторение в более грозном варианте истории 1812 года, это реванш за поражение в ней Наполеона Бонапарта и его тогдашних союзников. Книгу Данилевского Достоевский назовет «будущей настольной книгой всех русских надолго» [Достоевский, 1972–1990, т. 29_1, с. 30], Тютчева воспримет как «сильного и глубокого русского поэта, одного из замечательнейших и своеобразнейших продолжателей пушкинской эпохи» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 281].

VII

Миновал год семипалатинской ссылки. В положении Достоевского многое изменилось к лучшему — наладилась переписка с родными, знакомства с горожанами разнообразили солдатские

будни. Семья Исаевых, в особенности супруга А.И. Исаева, чиновника особых поручений при начальнике Сибирского таможенного округа, Мария Дмитриевна, одарили ссыльного теплым и сердечным участием. Сближение с А.Е. Врангелем, стряпчим уголовных дел, прибывшим в Семипалатинск в ноябре 1854-го по служебной надобности, переросло в дружбу и скрашивало дни.

Европейская война, однако, приобретала для русской стороны все более сложный характер. Первое сражение на реке Альме закончилось неудачей: русская армия отступила. Ввиду поражений на Крымском театре боевых действий была упразднена Черноморская береговая линия. Продолжались бомбардировки Новороссийска и Севастополя, и в самый разгар долгой осады героического сопротивления, 18 февраля 1855 года, скончался император Николай Павлович. Высочайший Манифест о вступлении на престол нового царя объявлял подданным: «Неисповедимому в путях своих Богу угодно было поразить всех нас неожиданным страшным ударом. <…> Смиряясь пред таинственными судьбами Небесного Промысла, Мы только в Нем ищем себе утешения и от Него одного ожидаем дарования нам сил для подъятия бремени, волею Его на нас возлагаемого» [Высочайший манифест].

Новое царствование давало надежды на амнистию, а значит, и на перемену участи. Надежды не обманули — 31 марта 1855 года журнал «Русский Инвалид» опубликовал приказ военного министра о даровании «льгот и милостей» лицам военного ведомства, «впавшим в преступления» [Летопись, 1993, с. 205]. На основании этого приказа в сентябре 1855-го Достоевский будет произведен из рядовых в унтер-офицеры. А за два месяца до производства он сочинит стихотворное послание «На первое июля 1855 года», приуроченное ко дню рождения вдовы Николая I Александры Федоровны.

Вновь автор прибегнул к одическому жанру и опробованному размеру: десять строф по десять строк в каждой строфе. На этот раз стихи из десяти одических строф (сто строк) были написаны шестистопным ямбом и вновь потребовали немалых усилий. Достоевский обращается на *ты* ко вдове почившего императора, которую воспринимает как кроткую страдалицу, и сам поражается своей поэтической дерзости: «Прости, прости меня, прости мои желанья; / Прости, что смею я с тобою говорить. / Прости, что смел питать безумное мечтанье / Утешить грусть твою, страданье облегчить» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 407].

Несомненно, своим горячим посланием узник, *отверженец унылый*, взывает к милости, хочет напомнит о себе, о своих утратах, о своем раскаянии...

Но Боже! нам судья от века и вовек!
Ты суд мне ниспослал в тревожный час сомненья,
И сердцем я познал, что слезы — искупленье,
Что снова русской я и — снова человек!
[Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 407].

Замечу: ссыльный солдат обращается не к молодому императору (о нем в стихотворении нет ни слова), а к его матери, вдове, у кого в груди «болит и ноет рана». Между строк, полных грусти и скорби, более чем уместно звучат интонации тяжелого и смутного военного времени:

Когда настала вновь для русского народа
Эпоха славных жертв двенадцатого года
И матери, отдав царю своих сынов,
Благословили их на брань против врагов,
И облилась земля их жертвенною кровью,
И засияла Русь геройством и любовью...
[Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 407].

Впервые Крымская военная кампания была признана Достоевским войной народной, Отечественной, такой же, как и памятная для всякого русского человека война 1812 года; военный противник, одержимый идеей реванша за былое поражение, был прямо назван врагом, а свое войско — героями. Помимо боли утраты, тоски и горя в послании явственно ощущается непомерная тяжесть войны.

Но Достоевский, быть может, был единственным, кто не хотел верить, что Россия терпит поражение. Да и как можно было отличить поражение от победы? Несмотря на сдачу Севастополя после многомесячной осады, невзирая на многие другие военные неудачи и утраты, союзническая коалиция не достигла своих главных целей — загнать Россию в леса и болота, укоротить руки, прижать к Уральскому хребту, вырвать русскому медведю его клыки, оставить великана без глаз. Зловещий план лорда Пальмерстона — тотальная блокада русских портов, паралич торговли, крестьянские восстания,

расчленение и развал государства — осуществлен не был; народные герои несмотря на многие изъяны и ущербы в армии и управлении страну отстояли. Обороняя свои святыни, Россия выдержала сражение со всей Европой. В замечании Герцена, что прошедшая война ограничилась всего лишь берегом Крыма, подтверждалось (быть может, неосознанно для автора) фиаско всей западной коалиции с ее непомерными аппетитами.

Вера Достоевского в то, «что Русь жива и умереть не может!» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 403], нуждалась в сочувствии, и он находил его в переписке с А.Н. Майковым, своим старым другом. «Читал Ваши стихи и нашел их прекрасными» [Достоевский, 1972–1990, т. 28_1, с. 208], — писал ему Достоевский в январе 1856 года. Речь шла о поэме Майкова «Клермонтский собор», которая заканчивалась строками: «И, может быть, враги предвидят, / Что из России ледяной / Еще невиданное выйдет / Гигантов племя к ним грозой, / Гигантов — с ненасытной жаждой / Бессмертья, славы и добра, / Гигантов — как их мир однажды / Зрел в грозном образе Петра» [Майков, 1854].

Весной 1856-го Достоевский сочинит третье стихотворение Крымского цикла — «На коронацию и заключение мира» (на этот раз получится семь строф по двенадцать строк каждая, бодрый четырехстопный ямб). В нем нет и тени пораженчества, а есть сознание войны за правое дело: «Умолкла грозная война! / Конец борьбе ожесточенной!.. / На вызов дерзкой и надменной, / В святыне чувств оскорблена, / Восстала Русь, дрожа от гнева, / На бой с отчаянным врагом / И плод кровавого посева / Пожала доблестным мечом. / Утучнив кровию святою / В честном бою свои поля, / С Европой мир, добытый с боя, / Встречает русская земля» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 409].

Здесь были точно расставлены акценты, касающиеся причин и самого хода войны: оскорбленная Россия, чьи святыни поруганы, гневно отвечает на дерзкий вызов надменных врагов и сражается, не жалея жизней своих воинов и добыв мир в честном бою.

Автор благословляет новое царствование, сознавая, что царь идет «стезей тернистой и крутой», что впереди у него — трудный подвиг, упорный труд, скудный отдых; что примером должен служить Петр I — «Тот гигант самодержавный / Что жил в работе и трудах, / И, сын царей, великий славный, / Носил мозоли на руках!» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 409]. Высшим нравственным

ориентиром русскому царю непременно послужит Тот, «Кто за убийц своих молил / И на кресте, последним словом, / Благословил, любил, простил!» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 409].

Достоевский навсегда останется верен той картине Крымской военной кампании, которая сложилась у него, автора трех стихотворений 1854–1856 годов, написанных в семипалатинской ссылке. Ни одно из них не было опубликовано при жизни писателя, не послужило облегчению участи, не помогло продвинуться по службе (звание унтер-офицера, повторю, будет им получено на общих основаниях) или ускорить возвращение права печататься. Но он, в первый же свой ссыльный месяц, смог вернуться к сочинительству, преодолеть вынужденное пятилетнее молчание и заговорить, виртуозно используя слова, рифмы, ритмы. Как бы ни относиться к поэтической составляющей его стихов, поверяя их пушкинскими или тютчевскими образцами, это была серьезная и честная творческая работа, исполненная благородных чувств и высокого смысла.

Мировоззрение, сложившееся под влиянием Крымской войны, сознание национального унижения, ощущение глубокого разочарования европейской политикой, которая всегда следует только своей корысти и лишена чувства справедливости, с годами у Достоевского только крепло. Немногие тогда понимали: Севастополь пал с такой славой, что русские должны гордиться падением, которое стоит многих блестящих побед. Севастопольская оборона продолжалась почти год — а враг, представленный всеми европейскими (и не только европейскими) нациями, рассчитывал на скорую и легкую победу. «Новой Троей» будет назван Севастополь теми, для кого немыслимой казалась его оккупация. Цикл из трех севастопольских рассказов Л.Н. Толстого (1855), посвященных героизму защитников города на фоне бесчеловечности войны, станет уверенным литературным дебютом автора и — мировой классикой.

В материалах к «Дневнику Писателя на 1876 год» Достоевский запишет: «Россия в Крымскую войну не бессилье свое доказала, *а силу*. Тогда можно было так говорить для *реформ* будущих, но теперь дело *иное*, и надо сказать правду. Несмотря на *гнилое* состояние вещей, вся Европа не могла нам ничего сделать, несмотря на затраты и долги ее в тысячи миллионов» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 272].

Достоевский радикально опровергает тезис об унизительном поражении России в Крымской войне, прочно внедренный в обще-

Илл. 7. Франц Рубо (1856–1928). Панорама «Оборона Севастополя».
Фрагмент «У оборонительной башни Малахова кургана». 1905 г.
Масло, холст. Музей обороны Севастополя, Крым. Россия.
Fig. 7. Franz Roubaud (1856–1928). Panorama *The Defense of Sevastopol*.
Fragment *At the Defensive Tower of the Malakhov Mound*. 1905. Oil on canvas.
Museum of the Defense of Sevastopol (Crimea, Russia).

ственное сознание и надолго ставший едва ли не общепризнанной истиной.

***

В 1911 году в статье «Крестьянская реформа и пролетарски-крестьянская революция» В.И. Ленин писал: «Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России. Крестьянские “бунты”, возрастая с каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить сверху, чем ждать, пока свергнут снизу» [Ленин, 1961, с. 173]. За 35 лет до этой ленинской фразы, Достоевский, будто наперед зная, в какую сторону двинется обсуждение итогов Крымской войны, запишет тезис: *не бессилье свое доказала, а силу.*

Но его призыв — *надо сказать правду* — ни тогда, ни позже услышан не был. Советская партийная историография с готовностью и даже с каким-то злорадством транслировала ленинскую догму о гнилости и бессилии России, добавляя к этому идейно выверенные шаблоны о *позорном поражении царизма и унизительном мирном договоре,* совсем не обращая внимание на другую, главную сторону дела: *вся Европа не могла России ничего сделать.*

Сегодняшним и будущим историкам еще предстоит дать подлинно честный, непредвзятый анализ итогов Крымской войны.

Список литературы

1. Адрианопольский мирный договор — Адрианопольский мирный договор между Россией и Турцией. 2 сентября 1829 года. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XIX/1820-1840/Mir_adrianopol_1829/text.htm (дата обращения: 01.11.2022).

2. Алферьев, 1854 — *Алферьев В.П.* На нынешнюю войну // Северная пчела. 1854. № 37. 27 февраля.

3. Безобразов, 1892 — *Безобразов П.В.* О сношениях России с Францией. М.: Университетская тип., 1892. 465 с.

4. Бестужев, 1964 — *Бестужев И.В.* Освещение Крымской войны в советской историографии // Вопросы истории. 1964. № 10. Октябрь. С. 144–152.

5. Виноградов, 2006 — *Виноградов В.Н.* Лорд Пальмерстон в европейской дипломатии // Новая и новейшая истории. 2006. № 5. URL: https://studfile.net/preview/10070123/ (дата обращения: 04.11.2022).

6. Волкова, 2020 — *Волкова И.В.* Антирусская агитация в западноевропейской прессе во время Крымской войны // Вестник научного общества студентов, аспирантов и молодых ученых. 2014. №1. С. 51–53. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=21681103 (дата обращения: 25.11.2022).

7. Вяземский, 1958 — *Вяземский П.А.* Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1958. 501 с. (Библиотека поэта; Большая серия)

8. Высочайший манифест — Высочайший манифест о вступлении на Прародительский престол Государя Императора Александра Николаевича // Отечественные Записки. 1855. Т. XCIX. С. 7. URL: https://russportal.ru/index.php?id=russia.manifest1855_02_18_01 (дата обращения: 11.12. 2022).

9. Герцен, 1957 — *Герцен А.И.* Былое и думы // *Герцен А.И.* Сочинения: в 9 т. М.: Худож. лит., 1957. Т. 6. 691 с.

10. Глинка, 1854 — *Глинка Ф.Н.* Ура! // Северная пчела. 1854. № 1. 2 января.

11. «Гражданин», 1883 — Гражданин. Литературные приложения. 1883. № 1.

12. Губер, 1847 — *Губер Э.* Русская литература 1846 году // Санкт-Петербургские Ведомости. 1847. 5 января. № 4.

13. Данилевский, 1995 — *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, изд-во «Глагол», 1995. 552 с.

14. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

15. Дубровин, 1900 — *Дубровин Н.Ф.* История Крымской войны и обороны Севастополя. СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1900. Т. I. 454 с.

16. Жолудов, 2016 — *Жолудов М.В.* Русофобия в политической деятельности лорда Пальмерстона // Вестник Нижневартовского городского университета. 2017. № 2. С 100–107. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rusofobiya-v-politicheskoy-deyatelnosti-lorda-palmerstona (дата обращения: 12.12.2022).

17. Кошелев, 2002 — Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). С семью приложениями. М.: Наука, 2002. 476 с.

18. Казарин, 2005 — *Казарин В.* «Битва за Ясли Господни». Чем на самом деле закончилась Крымская война // Литературная газета. 2005. № 4, 2–8 февраля. С. 15.

19. Левченко, 1994 — *Левченко Н.И.* Круг знакомых Ф.М. Достоевского в семипалатинский период жизни // Достоевский. Материалы и исследования. 1994. Т. 11. С. 235–246.

20. Ленин, 1961 – *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1958–1965. Т. 20. 1961. 583 с.

21. Летопись, 1993 – Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского: в 3 т. СПб.: Академический проект, 1993. Т. 1: 1821–1864. 544 с.

22. Майков, 1854 – *Майков А.Н.* Клермонтский собор. Поэма // Отечественные записки. 1854. № 4. С. 175.

23. Манифест, 9 февраля 1854 года – Манифест императора Николая I о вступлении в войну Англии и Франции на стороне Турции. 9 февраля 1854 г. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1385. Оп. 1. Д. 737. Л. 12. Тип. экз. URL: https://krym.rusarchives.ru/dokumenty/manifest-imperatora-nikolaya-i-o-vstuplenii-v-krymskuyu-voynu-anglii-i-francii-na-storone (дата обращения: 05.12.2022).

24. Манифест, 11 апреля 1854 года – Манифест, 11 апреля 1854 года. Архив канцелярии Военного министерства. 1854, секр. д. № 36. Собственноручно написанный и исправленный императором Николаем манифест от 11 апреля 1854 года URL: https://infopedia.su/26xebb4.html (дата обращения: 05.12.2022).

25. Маркс, 1961 – *Маркс К.* Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия» // *Маркс К.* Сочинения. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 18. С. 579–624.

26. Маркс, 1989 – *Маркс К.* Разоблачения дипломатической истории XVIII века. Глава четвертая. URL: https://history.wikireading.ru/53923 (дата обращения: 05.07.2022).

27. Мочульский, 1995 – *Мочульский К.Н.* Гоголь, Соловьев, Достоевский. М.: Республика, 1995. 607 с.

28. Музафаров, 2020 – *Музафаров А.* «Тройственный союз». Стрелка на пути к катастрофе. URL: http://xn--e1agfdncgfekaw.xn--p1ai/2020/05/23/trojstvennyj-soyuz-strelka-na-puti-k-katastrofe/ (дата обращения: 03.11.2022).

29. Письма к Вольтеру, 1970 – Письма к Вольтеру / публ., вводные статьи и примеч. В.С. Люблинского; отв. ред. А.И. Доватур. Л.: Наука, 1970. 447 с.

30. Описание святых мест Палестины, 1914 – Описание святых мест Палестины / сост. архимандрит Пантелеимон, бывший настоятель Гефсимании. Иерусалим, 1914. 198 с.

31. Панаев, 1855 – *Панаев И.И.* Литературные кумиры, дилетанты и проч. // Современник. 1855. № 12.

32. Перетяка, 2014 – *Перетяка Е.* Забытый переводчик и поэт Эдуард Губер. URL: https://proza.ru/2014/08/12/709 (дата обращения: 07.12.2022).

33. Петрунина, Шунейко, 2016 – *Петрунина Ж.В. Шунейко А.А.* Пророк Пальмерстон // Вестник рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2016. №1. С. 7–13. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prorok-palmerston (дата обращения: 12.12.2022).

34. Пушкин, 1962 – *Пушкин А.С.* О ничтожестве литературы русской // *Пушкин А.С.* Собр. соч.: в 10 т. М.: Гослитиздат, 1962. Т. 6: Критика и публицистика. С. 407–413.

35. Ратников, 2020 – *Ратников К.В.* Крымская война и русская поэзия 1853–1856 годов. URL: https://proza.ru/2020/11/03/1412 (дата обращения: 04.12.2022).

36. Тарле, 1950 – *Тарле Е.В.* Крымская война. М.; Л.: АН СССР, 1950. Т. 1. 567 с. URL: https://www.litmir.me/br/?b=177080&p=4 (дата обращения: 23.07.2022).

37. Тютчев, 2002–2005 – *Тютчев Ф.И.* Полн. собр. соч. и писем: в 6 т. М.: Классика, 2002–2005.

38. Кожинов, 2009 – *Кожинов В.В.* Тютчев. М.: Молодая гвардия, 2009. 581 с. (Жизнь замечательных людей). URL: https://www.rulit.me/books/tyutchev-read-219763-158.html (дата обращения: 23.07.2022).

39. Тэйлор, 1958 — *Тэйлор А.Дж.П.* Борьба за господство в Европе. 1848–1918 гг. / пер. с англ. М.: Изд-во иностранной лит., 1958. 644 с.

40. Цитаты известных личностей — Цитаты известных личностей. URL: https://ru.citaty.net/tsitaty/646316-uinston-cherchill-lozh-uspevaet-oboiti- polmira-poka-pravda-nadevaet/ (дата обращения: 03.11.2022).

41. Энгельс, 1958 — *Энгельс Ф.* Европейская война // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е. изд. М.: Госполитиздат, 1958. Т. 10. С. 1–6.

42. Punch, 1855 — «The Split Crow in the Crimea». Karikatur // Punch. 1855. September 29; URL: http://mggymn1.mogilev.by/Res_centr/Karikatur.pdf (дата обращения: 25.11.2022).

References

1. *Adrianopol'skii mirnyi dogovor mezhdu Rossiei i Turtsiei* [*Treaty of Peace between Russia and Turkey, Signed at Adrianople*]. 2 Sept. 1829. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XIX/1820-1840/Mir_adrianopol_1829/text.htm (Accessed 01 Nov. 2022) (In Russ.)

2. Alfer'ev, V.P. "Na nyneshniuiu voinu" ["About the Current War"]. *Severnaia pchela*, no. 37, 27 Feb. 1854. (In Russ.)

3. Bezobrazov, P.V. *O snosheniiakh Rossii s Frantsiei* [*About Russia's Relations with France*]. Moscow, Universitetskaia tipografiia Publ., 1892. 465 p. (In Russ.)

4. Bestuzhev, I.V. "Osveshchenie Kry'mskoi voiny v sovetskoi istoriografii" ["Interpretations of the Crimean War in Soviet Historiography"]. *Voprosy istorii*, no. 10, October 1964, pp. 144–152. (In Russ.)

5. Vinogradov, V.N. "Lord Pal'merston v evropeiskoi diplomatii" ["Lord Palmerston in European Diplomacy"]. *Novaia i noveishaia istorii*, no. 5, 2006. URL: https://studfile.net/preview/10070123/ (Accessed 04 Nov. 2022) (In Russ.)

6. Volkova, I.V. "Antirusskaia agitatsiia v zapadnoevropeiskoi presse vo vremia Krymskoi voiny" ["Anti-Russian Agitation in West-European Press durin the Crimean war"]. *Vestnik nauchnogo obshchestva studentov, aspirantov i molodykh uchenykh*, no. 1, 2014, pp. 51–53. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=21681103 (Accessed 25 Nov. 2022) (In Russ.)

7. Viazemskii, P.A. *Stikhotvoreniia* [*Poems*]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1958. 501 p. (In Russ.)

8. "Vysochaishii manifest o vstuplenii na Praroditel'skii prestol gosudaria Imperatora Aleksandra Nikolaevicha" ["Imperial Manifesto on the Accession to the Throne of the Sovereign Emperor Alexander Nikolayevich"]. *Otechestvennye zapiski*, vol. XCIX, 1855, p. 7. URL: https://russportal.ru/index.php?id=russia.manifest1855_02_18_01 (Accessed 11 Dec. 2022) (In Russ.)

9. Gertsen, A.I. "Byloe i dumy" ["My Past and Thoughts"]. *Sochineniia: v 9 tomakh* [*Works: in 9 vols*], vol. 6. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1957. 691 p. (In Russ.)

10. Glinka, F.N. "Ura!" ["Hurrah!"]. *Severnaia pchela*, no. 1, January 1854. (In Russ.)

11. *Grazhdanin. Literaturnye prilozhenia*, no. 1, 1883. (In Russ.)

12. Guber, E. "Russkaya literatura 1846 godu" ["Russian Literature in 1846"]. *Sankt-Peterburgskie Vedomosti*, no. 4, 5 January 1847, p. 14. (In Russ.)

13. Danilevskii, N.Ia. *Rossiia i Evropa* [*Russia and Europe*]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., Glagol Publ., 1995. 552 p. (In Russ.)

14. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

15. Dubrovin, N.F. *Istoriia Krymskoi voiny i oborony Sevastopolia* [*History of Crimean War and the Defence of Sevastopol*], vol. I. St. Petersburg, Tip. tovarishchestva “Obshchestvennaia pol’za” Publ., 1900. 454 p. (In Russ.)

16. Zholudov, M.V. “Rusofobiia v politicheskoi deiatel’nosti lorda Pal’merstona” [“Rusophobia in the Political Activity of Lord Palmerston”]. *Vestnik Nizhenevartovskogo gorodskogo universiteta*, no. 2, 2017, pp. 100–107. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rusofobiya-v-politicheskoy-deyatelnosti-lorda-palmerstona (Accessed 12 Dec. 2022) (In Russ.)

17. *Zapiski Aleksandra Ivanovicha Kosheleva (1812–1883 gody). S sem’iu prilozheniiami* [*Notes of Alexandre Ivanovich Koshelev (1812–1883). With Seven Appendixes*]. Moscow, Nauka Publ., 2002. 476 p. (In Russ.)

18. Kazarin, V. “‘Bitva za Iasli Gospodni’. Chem na samom dele zakonchilas’ Krymskaia voina” [“‘The Battle for the Manger of the Lord’. How the Crimean war Actually Ended”]. *Literaturnaia gazeta*, no. 4, 2–8 February 2005, p. 15. (In Russ.)

19. Levchenko, N.I. “Krug znakomyh F.M. Dostoevskogo v semipalatinskii period zhizni” [“The Circle of Acquaintances of F.M. Dostoevsky at the Time of His Life in Semipalatinsk”]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [*Dostoevsky. Materials and Research*], vol. 11. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994, pp. 235–246. (In Russ.)

20. Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochinenii* [*Complete Works*], vol. 20. 5th Edition. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1961. 583 p. (In Russ.)

21. *Letopis’ zhizni i tvorchestva F.M. Dostoevskogo v 3 tomakh* [*The Chronicle of Dostoevsky’s Life and Works in 3 vols*], vol. 1: 1821–1864. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1993. 544 p. (In Russ.)

22. Maikov, A.N. “Klermontskii sobor. Poema” [“Clermont Cathedral. Poem”]. *Otechestvennye zapiski*, no. 4, 1854, p. 175. (In Russ.)

23. *Manifest imperatora Nikolaia I o vstuplenii v voinu Anglii i Frantsii na storone Turtsii. 9 fevralia 1854* [*Manifesto of Emperor Nicholas I on the Entry of England and France into the War on the Side of Turkey. February 9, 1854*]. Russian State Archive of Ancient Acts. F. 1385. Op. 1. D. 737. L. 12. URL: https://krym.rusarchives.ru/dokumenty/manifest-imperatora-nikolaya-i-o-vstuplenii-v-krymskuyu-voynu-anglii-i-francii-na-storone (Accessed 05 Dec. 2022) (In Russ.)

24. *Manifest, 11 aprelia 1854 goda. Arkhiv kantseliarii Voennogo ministerstva. 1854 g., sekr. d. n. 36. Sobsvennoruchno napisannyi i ispravlennyi imperatorom Nikolaem manifesto ot 11 aprelia 1854 goda* [*Manifesto, 11 April 1854. Archives of the Chancellery of the War Ministry. 1854, Sec. d. No 36. Manifesto of 11 April 1854, Handwritten and Corrected by Emperor Nicholas*]. URL: https://infopedia.su/26xebb4.html (Accessed 05 Dec. 2022) (In Russ.)

25. Marx, K. “Konspekt knigi Bakunina ‘Gosudarstvennost i anarkhiia’” [“Conspectus of Bakunin’s *Statism and Anarchy*”]. *Sochineniia* [*Works*], vol. 18. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1961. 808 p. (In Russ.)

26. Marx, K. *Razoblacheniia diplomaticheskoi istorii XVIII veka* [*Revelations of the Diplomatic History of the 18th Century*], chapter IV. URL: https://history.wikireading.ru/53923 (Accessed 05 Jul. 2022) (In Russ.)

27. Mochul’skii, K.N. *Gogol’, Solov’ev, Dostoevskii* [*Gogol, Solovyov, Dostoevsky*]. Moscow, Respublika Publ., 1995. 607 p. (In Russ.)

28. Muzafarov, A. “‘Troistvennyi soiuz’. Strelka na puti k katastrofe” [“‘The Triple Alliance.’ An Arrow on the Road to a Catastrophy”]. *Orelporusski.rf*, 23 May 2020, http://xn--e1agfdncgfekaw.xn--p1ai/2020/05/23/trojstvennyj-soyuz-strelka-na-puti-k-katastrofe/ (Accessed 03 Nov. 2022) (In Russ.)

29. Dovatur, A.I., and Liublinskii, V.S., editors. *Pis'ma k Vol'teru* [*Letters to Voltaire*]. Leningrad, Nauka Publ., 1970. 447 p. (In Russ.)

30. *Opisanie sviatyh mest Palestiny. Sostavil arkhimandrit Panteleimon, byvshii nastoiatel' Gefsimanii* [*A Description of Holy Places in Palestine. Compiled by Archimandrite Panteleimon, the Former Rector of Gethsemane*]. Jerusalem, 1914. 198 p. (In Russ.)

31. Panaev, I.I. "Literaturnye kumiry, diletanty i proch." ["Literary Idols, Amateurs, and Others"]. *Sovremennik*, no. 12, 1855. (In Russ.)

32. Peretiaka, E. "Zabytyi perevodchik i poet Eduard Guber" ["Eduard Gruber, Forgotten Translator and Poet"]. *Proza.ru*, 12 Aug. 2014, https://proza.ru/2014/08/12/709 (Accessed 07 Dec. 2022) (In Russ.)

33. Petrunina, Zh.V., and Shuneiko, A.A. "Prorok Pal'merston" ["The Prophet Palmerston"]. *Vestnik riazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina*, no. 1, 2016, pp. 7–13. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prorok-palmerston (Accessed 12 Dec. 2022) (In Russ.)

34. Pushkin, A.S. "O nichtozhestve literatury russkoi" ["On the Misery of Russian Literature"]. *Sobranie sochinenii: v 10 tomakh* [*Collected Works: in 10 vols*], vol. 6: Kritika i publitsistika [Criticism and Journalism]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1962, pp. 407–413. (In Russ.)

35. Ratnikov, K.V. "Krymskaia voina i russkaia poeziia 1853–1856 godov" ["The Crimean War and Russian Poetry of the Years 1853–1856"]. *Proza.ru*, 03 Nov. 2020, https://proza.ru/2020/11/03/1412 (Accessed 04 Dec. 2022) (In Russ.)

36. Tarle, E.V. *Krymskaia voina* [*The Crimean War*], vol. 1. Moscow-Leningrad, AN SSSR Publ., 1950. 567 p. URL: https://www.litmir.me/br/?b=177080&p=4 (Accessed 23 Jul. 2022) (In Russ.)

37. Tiutchev, F.I. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 6 tomakh* [*Complete Works: in 6 vols*]. Moscow, Klassika Publ., 2002–2005. (In Russ.)

38. Kozhinov, V.V. *Tiutchev* [*Tyutchev*]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2009. 581 p. URL: https://www.rulit.me/books/tyutchev-read-219763-158.html (Accessed 23 Jul. 2022) (In Russ.)

39. Taylor, A.J.P. *Bor'ba za gospodstvo v Evrope. 1848–1918 gg.* [*The Struggle for Mastery in Europe. 1848–1918*]. Moscow, Izd-vo inostrannoi literatury Publ., 1958. 644 p. (In Russ.)

40. *Tsitaty izvestykh lichnostei.* URL: https://ru.citaty.net/tsitaty/646316-uinston-cherchill-lozh-uspevaet-oboiti-polmira-poka-pravda-nadevaet/ (Accessed 03 Nov. 2022) (In Russ.)

41. Engels, F. "Evropeiskaia voina" ["The European War"]. Marx, K., and Engels, F. *Sochineniia* [Works], vol. 10. 2nd Edition. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1958, pp. 1–6. (In Russ.)

42. "'The Split Crow in the Crimea'. Karikatur." *Punch*, 29 September 1855. URL: http://mg-gymn1.mogilev.by/Res_centr/Karikatur.pdf (Accessed 25 Nov. 2022) (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 22.12.2022 — The article was submitted: 22 Dec. 2022
Одобрена после рецензирования: 03.01.2022 — Approved after reviewing: 03 Jan. 2023
Принята к публикации: 10.01.2023 — Accepted for publication: 10 Jan. 2023
Дата публикации: 25.03.2023 — Date of publication: 25 March 2023